

Санкт-Петербург

2013

Фонд научных исследований истории и культуры стран Европы
«Европейское наследие»

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки России от 19.02.2010 г. журнал для ученых «Клио» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

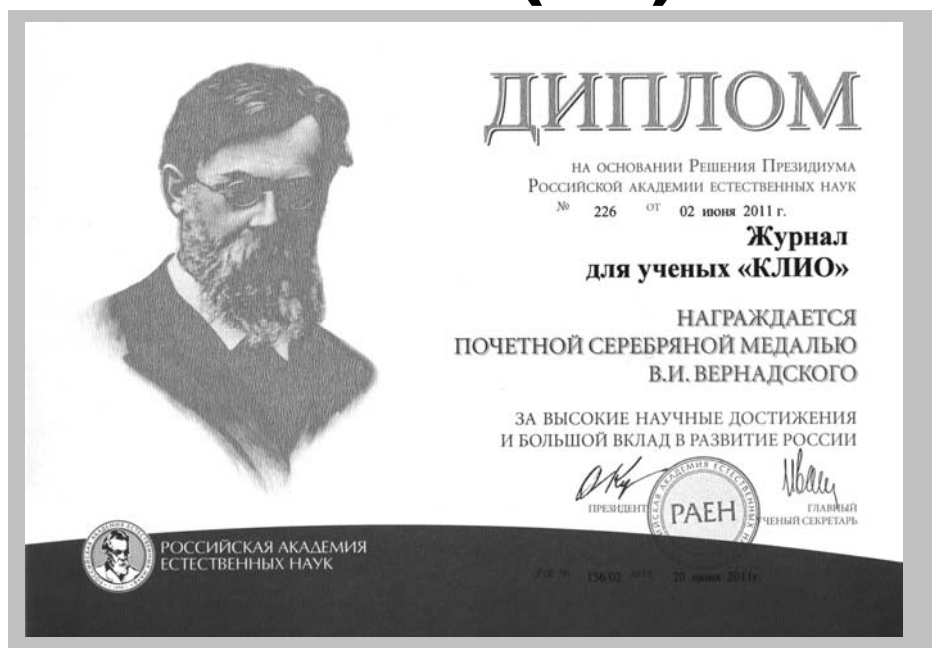
ISSN 2070-9773

Подписка на журнал «Клио» осуществляется по каталогу «Роспечати». Индекс 14243
Резюме всех статей журнала «Клио» включены в International Bibliography of the Social Sciences (www.ibss.ac.uk)

Журнал «Клио» представлен в Научной электронной библиотеке (НЭБ), реализующей проект Министерства образования и науки РФ «Разработка системы статистического анализа российской науки на основе данных российского индекса научного цитирования (РИНЦ)»

К Л И О

Журнал для ученых № 12 (84)

Решением президиума Афро-Евразийской академии естественных наук от 11.11.2011
Издательство «ПОЛТОРАК» награждено специальным дипломом
за вклад в популяризацию науки и сохранения культурного наследия Человечества

ИЗДАТЕЛЬСТВО
« ПОЛТОРАК »
2013

Главный редактор

С. Н. Полторак, доктор исторических наук, профессор

Редакционная коллегия

А. И. Аврус, доктор исторических наук, профессор (Саратов)
А. П. Богданов, доктор исторических наук (Москва)
А. Ф. Бондаренко, доктор исторических наук (Москва)
Й. Бэкман, доктор общественно-политических наук, доцент (Хельсинки, Финляндия)
Ю. С. Васильев, академик РАН (Санкт-Петербург)
В. Н. Воронов, доктор исторических наук, профессор (Москва)
Б. Д. Гальперина, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
Р. Ш. Ганелин, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)
В. И. Голдин, доктор исторических наук, профессор (Архангельск)
Л. Е. Горизонтов, доктор исторических наук (Москва)
А. Ю. Дворниченко, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
Д. Дейли, доктор исторических наук, профессор (Чикаго, США)
М. В. Ежов, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
А. Н. Еремеева, доктор исторических наук, профессор (Краснодар)
С. С. Загребин, доктор исторических наук, профессор (Челябинск)
В. А. Золотарёв, доктор исторических наук, доктор юридических наук, профессор (Москва)
В. С. Измозик, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
(заместитель главного редактора)
С. Н. Иконникова, доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург)
Г. М. Ипполитов, доктор исторических наук, профессор (Самара)
А. Кан, доктор исторических наук, профессор (Стокгольм, Швеция)
А. Н. Кашеваров, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
(ответственный секретарь)
С. Г. Кащенко, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
А. Ф. Киселев, доктор исторических наук, профессор (Москва)
Ф.-К. Кокен, доктор исторических наук, профессор (Париж, Франция)
Ш. Кройцбергер, доктор исторических наук, профессор (Потсдам, Германия)
И. В. Кулцова, доктор исторических наук, профессор (Москва)
А. В. Лосик, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
(заместитель главного редактора)
С.Ю. Малышева, доктор исторических наук, профессор (Казань)
И. П. Медведев, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)
С. С. Минц, доктор исторических наук, профессор (Краснодар)
Г. В. Михеева, доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург)
Т. А. Невская, доктор исторических наук, профессор (Ставрополь)
В. В. Носков, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
Е. Н. Носов, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)
В. Н. Плешков, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
П. А. Подболотов, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)
А. А. Попов, доктор исторических наук, профессор (Сыктывкар)
А. И. Репинецкий, доктор исторических наук, профессор (Самара)
О. А. Ржешевский, доктор исторических наук, профессор (Москва)
Ю. В. Рубцов, доктор исторических наук, профессор (Москва)
Е. И. Самарцева, доктор исторических наук, профессор (Тула)
Е. С. Сеняевская, доктор исторических наук (Москва)
Г. В. Серебрянская, доктор исторических наук, профессор (Нижний Новгород)
Т. И. Сидненко, доктор исторических наук, доцент (Санкт-Петербург)
Ю. Н. Солонин, доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург)
В. Е. Триодин, доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург)
А. А. Чернобаев, доктор исторических наук, профессор (Москва)
И. В. Яблочкина, доктор исторических наук, профессор (Москва)

Журнал основан и зарегистрирован 9 июля 1996 г.

Свидетельство о регистрации № П-2045. Выдано Северо-Западным региональным управлением Комитета Российской Федерации по печати (Санкт-Петербург)

Учредитель журнала С.Н. Полторак

Подписка на журнал «Клио» осуществляется по каталогу «Роспечать». Индекс 14243

Адрес редакции: Санкт-Петербург, Гражданский пр., д. 11, офис 300.

Тел.: (812) 534-28-28; (812) 335-31-00 (*4224)

Почтовый адрес редакции: 195220, Россия, Санкт-Петербург. ООО «Полторак». До востребования.

E-mail: nestorklio@mail.ru;

Официальный сайт: <http://clioscience.com/>. Электронный адрес научного периодического издания в Интернете: <http://elibrary.ru/issues/asp?id=2764>

ISSN 2070-9773

«Клио», 2013

Авторы публикаций, 2013

Перепечатка допускается с согласия редакции журнала. Ссылка на «Клио» обязательна

КОНСТАНТИН ЮРЬЕВИЧ ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ

доктор филологических наук, ИРЛИ РАН (Санкт-Петербург)
Тел.: (812) 235-59-15; E-mail: yurij-danilevskij@yandex.ru

Статья посвящена истории рода Лаппо-Данилевских с начала XVIII по начало XX в. и значению семьи для А.С. Лаппо-Данилевского.

Ключевые слова: А. С. Лаппо-Данилевский, история семьи, генеалогия, микроистория, Лаппо-Данилевские, Чуйкевичи, Гангебловы, Чорбы, Манвеловы, Лесницкие.

СЕМЬЯ А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО: ИСТОКИ И ТРАДИЦИИ

*Und manche liebe Schatten steigen auf...
Goethe. «Faust». Teil I.*

Драматичная судьба близких Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского в XX столетии была не в последнюю очередь вызвана броским фамильным именем, затруднявшим мимикрию в эпоху социальных потрясений и неоспоримо указывавшим на принадлежность тех, кто его носил, к привилегированному сословию дореволюционной России. Довольно широкая известность некоторых представителей рода Лаппо-Данилевских в начале XX столетия сослужила также не лучшую службу – фамилия была на слуху и у многих вызвала приливы классовой ненависти¹. В данной статье мне, однако, менее всего хотелось бы останавливаться на событиях XX в. Куда увлекательнее заглянуть в прошлое рода Лаппо-Данилевских, попытаться распознать в его истории то, что имело значение для формирования его выдающихся представителей. После эпохи вынужденного молчания, кажется, настало время попытаться нарисовать портреты предков А.С. Лаппо-Данилевского, осознавая, что многие их черты, увы, безвозвратно утрачены. Это тем более оправданно, ибо и коллеги, и ученики неоднократно отмечали духовный аристократизм ученого, потомственное благородство, видели в нем воплощение лучших черт дворянской культуры.

Хотя в архивных документах мне не удалось найти указаний на интерес А.С. Лаппо-Данилевского к своей генеалогии или на какие-то его разыскания в этой области, сам состав его наиболее обширного фонда в Петербургском филиале Архива Российской академии наук содержит документы по истории семьи с 1810-х гг. Судя по всему, архив ученого был обработан к началу Второй мировой войны не целиком и некоторая его часть еще находилась у вдовы ученого. По понятным причинам в Архив Академии наук в первую очередь передавалось все, что касалось научной деятельности А.С. Лаппо-Данилевского. А бумаги более личного характера, позволявшие заглянуть во взаимоотношения родственников, удерживались наиболее долго в семейном владении². Эта часть архива ученого погибла в блокадном Ленинграде после смерти его вдовы³. Из-за тягот послереволюционного времени и эпохи сталинского террора еще более печальная судьба постигла документы и прочие фамильные ценности, находившиеся во владении сестер и братьев академика, а также их потомков.

Учитывая, что живая культурная память семей простирается минимум на четыре-пять предшествующих поколений, нужно признать, что те сведения по истории семьи, которые я накапливал в течение последних двадцати лет, были в общих чертах известны А.С. Лаппо-Данилевскому. А о довольно большом числе родственников, о которых пойдет речь, он мог составить мнение не понаслышке⁴. Не забудем и иную медиальную насыщенность культурного пространства, и куда более важную роль семейных преданий в XIX столетии. Тем более обидно, что уже никогда не удастся узнать, что представители семьи Лаппо-Данилевских думали о происхождении своего двойного фамильного имени и об истоках рода. На данном этапе оно не поддается сколько-нибудь достоверному объяснению (опущу несколько устных, отчасти шуточных и явно позднейших легенд, бытующих в разных ветвях семьи)⁵.

Как сообщил мне С.В. Чебанов, в семье известного историка Ивана Ивановича Лаппо, большого знатока

прошлого Великого княжества Литовского, существовала убежденность об общем происхождении трех давно разошедшихся ветвей белорусско-литовского рода Лаппо – Лаппо-Беличей, Лаппо-Любичей и Лаппо-Данилевских (эти предания восходят к родной сестре историка Екатерине Ивановне, урожд. Лаппо). Однако мне пока не удалось найти каких-либо документальных аргументов в его пользу. Укажу также, что «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона», имевший неплохих консультантов по генеалогии, скорее, разводит эти роды:

«Лаппо (польск. Łappa) – два литовских дворянских рода, гербов Крживда, Любич и Лада, из которых один восходит к началу XVII века и внесен в VI часть родословной книги Минской губернии. Есть род Лаппо-Данилевских, «малороссийского» (украинского) происхождения⁶. Нельзя поэтому исключить, что Лаппо-Данилевские – одна из ветвей крайне разветвленного рода Данилевских, обособившаяся в конце XVII в. от ее основного древа, но и в пользу этого предположения отсутствуют какие-либо документальные доводы.

Так или иначе, собственно историю Лаппо-Данилевских по материалам Департамента Герольдии удастся пока достоверно возвести лишь к началу XVIII в., и связана она именно с Малороссией – по преимуществу с Полтавщиной и отчасти с Киевом. Уже в конце XVIII столетия возникает екатеринославская линия Лаппо-Данилевских, именно к ней принадлежали прямые предки А.С. Лаппо-Данилевского, именно ей будет посвящено основное внимание.

I.

Иван и Карп (по-видимому, родные братья) – наиболее ранние представители рода Лаппо-Данилевских. Из документов, позднее представленных на подтверждение дворянства, явствует, что они «служили в чинах войсковых товарищей и вели жизнь благородную»⁷.

II.

Во втором поколении род насчитывает трех представителей – **Льва** и **Семена** (сыновей Ивана) и **Ивана** (сына Карпа)⁸.

Известно лишь о мужском потомстве **Льва Ивановича Лаппо-Данилевского** (1740⁹ – конец 1804¹⁰), чья энергия немало способствовала возвышению рода во второй половине XVIII в. Надо отметить, что именно в это время происходит утрата Малороссией автономии и особенностей ее административного устройства. Важнейшие вехи на этом пути – указ Екатерины II от 10 ноября 1764 г. об отмене гетманства и распространение в 1781 г. на Малороссию общего положения о губерниях. В этих условиях перед представителями казачьей старшины вставала задача признания их «шляхетства» со стороны российской бюрократии, утверждения привилегий, связанных с ним, а также конвертации малороссийских чинов в чины «Табели

Печатка
Г.Н. Лаппо-Данилевского
с фамильным гербом

о рангах». Думается, именно Лев Иванович, добившийся наибольших успехов на служебном поприще, стал инициатором ходатайства о подтверждении привилегий его и его братьев, из которого можно почерпнуть некоторую информацию о представителях рода в XVIII столетии. Сохранилась копия с заключения в связи с рассмотрением доказательств дворянства «Лапп Данилевских», состоявшимся 25 июня 1784 г. (оригинал был подписан киевским губернским предводителем и уездными депутатами дворянства):

«1784 года июня 25 дня по указу Ее императорского величества Киевского наместничества Дворянского собрания рассматривали доказательство, представленные от коллежского асессора Льва и войсковых товарищей Семена и Ивана Лапп Данилевских, с которых усмотрено: 1°. Свидетельство от тридцати человек на оных подписавшихся дворян, что отцы их Льва и Семена – Иван, а Ивана Карп Лаппы Данилевские, служили в чинах войсковых товарищей и вели жизнь благородную. 2°. Сами ж они просители, продолжая службу, происходили чинами: Лев 1766го января 23 с войсковых канцеляристов полковым хорунжим, и будучи в оном чине находился округи Миргородской непрерывным земским комиссаром, 774 июня 18 бунчуковым товарищем, а 783 коллежским асессором, Семен 784 году февраля 29 с сотенных атаманов, а Иван 784 года в марта 30 числе с значковых товарищей при увольнении от службы награждены войсковыми товарищами; сверх же того владеют шляхетским высочайшею грамотою войсковому товарищу Даниле Лесницкому жалованным именем, с них Льву по купле и в приданое за женою доставленное; для того рассудили помянутых коллежского асессора Льва и войсковых товарищей Семена и Ивана Лапп Данилевских с их детьми внести в дворянскую родословную Киевского наместничества книгу Льва в 3^{ью}, а Семена и Ивана во 2^ю части и изготовить грамоту и внести им в дворянскую казну двадцать пять рублей»¹¹.

На фоне довольно скромных чинов его ближайших родственников карьера Льва Ивановича выглядит весьма внушительно. Чин войскового товарища обычно приравнивался к чину корнета русской кавалерии; чин же бунчукового товарища, значительно обесценившийся после упразднения гетманства, был равен, если даже не превышал его, званию малороссийского полковника. При конвертации в российские чины, происходившей всегда с некоторым понижением, он соответствовал по военной шкале майору, а по штатской – коллежскому асессору. У отомков Льва Ивановича хранились также следующие документы или же копии с них, фигурирующие в делах о подтверждении их дворянства:

1) [Патент Малороссийской коллегии от 23-го января 1766 года об определении Льва Лаппы Данилевского полковым хорунжим в Миргородский полк]¹²;

2) [Патент на производство миргородского округа земского комиссара полкового хорунжего Льва Лаппы Данилевского в бунчуковые товарищи от 18 июня 1774 года]¹³;

3) [Указ Киевского наместнического правления от 5-го февраля 1784 года № 1888 о присвоении миргородскому уездному казначею бунчуковому товарищу Льву Лаппе Данилевскому чина коллежского асессора]¹⁴.

Они мало что добавляют к перечисленным выше сведениям, внося в биографию Льва Ивановича лишь два важных штриха – он состоял на службе с 1755 г. и до 1761 г. числился канцеляристом войсковой канцелярии. Из других источников известно, что он завершил службу в чине надворного советника.

Женат Лев Иванович был, по-видимому, трижды. Вторым браком – на **Софье Демьяновне Лесницкой** (1750 – сер. 1780-х)¹⁵, за которой получил в приданое четвертую долю «местечка Шишак и села Матяшевки»¹⁶. Эти имения стали причиной почти двадцатилетней тяжбы с шурином – Николаем Демьяновичем Лесницким (1730–1796)¹⁷, а затем с его вдовой Меланьей Ивановной, урожденной Кирьяковой, и с сыновьями. Судя по всему, после смерти Софьи Демьяновны в середине 1780-х гг. и третьей женитьбы Льва Ивановича Лесницкие решили вернуть приданое, некогда выделенное ей. Они обвинили

Льва Ивановича в незаконном захвате четверти их имения; разбирательства, предпринятые малороссийскими инстанциями по инициативе Лесницких, утвердили власти в мнении о беспочвенности этих обвинений. В 1805 г., уже после смерти Льва Ивановича, статский советник Николай Николаевич Лесницкий по доверенности своей матери продолжил тяжбу, обратившись в Правительствующий Сенат. Истцы утверждали, что Н.Д. Лесницкий находился «в походах» в момент заключения второго брака Льва Ивановича, что и позволило тому незаконно завладеть четвертой долей родового имения Лесницких. В ответ «помещица Пелагия Васильева дочь Лапина Данилевская», вдова Льва Ивановича, представила «Выпись» Хорольского духовного правления Миргородского повета Полтавской епархии. Из нее следовало, что с 1772 по 1781 г. Николай Демьянович Лесницкий (поначалу сотник, позднее «полковой хоружий», а затем «полковный асаул») «жил в дому» и согласно церковным книгам постоянно бывал на исповеди; это стало решающим аргументом окончательного решения дела в пользу Лаппо-Данилевской¹⁸.

Сохранились сведения лишь о пяти детях Льва Ивановича Лаппо-Данилевского (в действительности их было больше, но неясно, кто достиг зрелого возраста¹⁹): сын **Александр** от брака с Софьей Демьяновной Лесницкой; сыновья **Георгий (Егор)**, **Иван**, **Василий**,²⁰ а также дочь **Мария** от брака с Пелагеей Васильевной (девичья фамилия неизвестна).

III.

Александр Львович Лаппо-Данилевский (1771²¹ – до 1818²²), прадед историка, стал основателем екатеринославской ветви рода. Иначе, как влиянием и связями отца стремительное начало его карьеры не объяснить. 1 января 1776 г. Александр Львович был записан в военную службу; 15 апреля 1787 г. получил чин секунд-майора; по данным месяцесловов на 1791–1794 гг., служил в этом чине в Киевском наместничестве во Втором департаменте Верхнего земского суда. Указом Правительствующего Сената 14 декабря 1794 г. определен городничим Екатеринослава; в связи с переходом в штатскую службу получил чин коллежского асессора²³. В этой должности он пробыл около двух лет²⁴. По-видимому, его постигла немилость Павла I, как и многих из тех, кто выдвинулся в царствование Екатерины II. Два служебных документа, связанных с деятельностью Александра Львовича (1795 и 1797 гг.), упоминаются М.М. Владимировым в его очерке истории Екатеринослава, написанном к столетию города²⁵. Судя по всему, Александр Львович Лаппо-Данилевский скончался в чине коллежского асессора после Отечественной войны 1812–1814 гг.²⁶

В конце 1790-х или в самом начале 1800-х Александр Львович женился на **Софье Ивановне Корбе**; в этом браке родилось два сына – **Александр** и **Лев**. Благодаря этому брачному союзу во владение Лаппо-Данилевских позднее перешло село Гуляй-Поле (также Гуляйполе) в Верхне-Днепровском уезде Екатеринославской губернии, основанное в 1781 г. ее дедом Федором Михайловичем Корбе (он пользовался благорасположением светл. кн. Г.А. Потемкина-Таврического)²⁷. В 1784–1787 гг. Ф.М. Корбе (поначалу секунд-майор, а с 1785 г. надворный советник) был судьей Совестного суда Екатеринославского наместничества. В 1787–1795 гг. Корбе был директором экономии Екатеринославского наместничества: сначала в чине надворного, а с 1793-го – коллежского советника²⁸. Он выстроил в Гуляй-Поле Свято-Николаевскую церковь (была освящена 25 апреля 1794 г.; разрушена в 1934 г.)²⁹.

По-видимому, единокровным братом Александра Львовича был **Георгий (Егор) Львович Лаппо-Данилевский** (1789 – после 1838)³⁰. На мысль, что он был рожден от третьего брака, наводит и немалый возрастной разрыв между братьями, и изложенные выше обстоятельства тяжбы с Лесницкими. Любопытным штрихом к характеристике его матери надо признать обнаруженное мною письмо протоиерея Киево-Софийского собора Иоанна Леванды к Пелагее Васильевне Лаппе-Данилевской от 26 апреля 1805 г. в Полтаву. Леванда рекомендовал ей в качестве

воспитателя детей Ивана Ивановича Сулиму «из полтавцев, известного своей ученостью»³¹. Неплохое домашнее образование позволило Георгию Львовичу успешно начать офицерскую карьеру, которой он отдал двенадцать лет своей молодости³². 12 мая 1818 г. он вышел в отставку и поселился в своем поместье. Именно он является предтечей всех позднейших представителей полтавской ветви Лаппо-Данилевских, от подробного рассказа о которой имеет смысл пока воздержаться.

Первым браком Георгий Львович был женат на дочери ротмистра Василисы Федоровой Галенковской, вторым – на дочери поручика Марии Семеновне Данилевской, родной сестре Александра Семеновича Данилевского (28.09.1809 – 3.04.1888)³³, друга детства Н.В. Гоголя, которого писатель называл «родственником», «двоюродным братом», «кузеном», хотя между ними не было кровного родства. Из письма Гоголя А.С. Данилевскому от 2 ноября 1831 г. можно заключить, что Г.Л. Лаппо-Данилевский принадлежал к числу родственной читательской аудитории, с симпатией следившей за писательскими успехами Гоголя: «Порося мое (речь идет о «Вечерах на хуторе близ Диканьки». – К. Л.-Д.) давно уже вышло в свет. Один экземпляр послал я к тебе в Сорочинцы. Теперь, я думаю, Василий Иванович (отчим А.С. Данилевского. – К. Л.-Д.), совокупно с любезным зятем, Егором Львовичем, его почитывают»³⁴. В переписке Гоголя и А.С. Данилевского за 1833 г. Г.Л. Лаппо-Данилевский упоминался в связи с его планами отправить детей учиться в Петербург³⁵.

О **Марии Львовне Лаппо-Данилевской** известно лишь, что в середине 1810-х гг. она вышла замуж за Андрея Осиповича Тихенко (в этом браке родилось семеро детей). Ее приданое составило «мужеска 37 и женска 35 душ крестьян» в местечке Шишаке Миргородского уезда³⁶.

IV.

Личность **Александра Александровича Лаппо-Данилевского** (6.06.1802³⁷ – 1871, с. Гуляй-Поле Верхнеднепровского у. Екатеринославской губ.³⁸), в отличие от его брата **Льва Александровича Лаппо-Данилевского**³⁹, вырисовывается весьма рельефно благодаря большому количеству биографических документов. 31 декабря 1817 г. Александр Александрович вступил в службу в Арзамасский Конно-егерский полк юнкером. 4 апреля 1819 г. произведен в прапорщики; 19 апреля 1820 г. – в полковые адъютанты; 1 июня 1822 г. – в поручики; 19 ноября 1822 г. уволен от службы по прошению. В 1830–1833, 1836–1839, 1839–1842, 1842–1845 гг. – депутат Екатеринославского Дворянского собрания от Верхнеднепровского уезда; в 1833–1836 – непреременный член в Екатеринославской Комиссии народного продовольствия. 3 декабря 1844 г. награжден орденом Св. Владимира 4-й степени «за выслугу по выборам дворянства». 22 августа 1846 г. был награжден за беспорочную пятнадцатилетнюю службу в офицерском чине и должностях знаком отличия беспорочной службы на Владимирской ленте. В 1845–1848 – предводитель дворянства Верхнеднепровского уезда. С 25 января 1846 по 1856 г. – почетный смотритель Екатеринославского уездного училища⁴⁰.

Три формулярных списка Александра Александровича дают не только хорошее представление о его биографии, но и проливают свет на рост его владений. Унаследованные от родителей земельные угодья он значительно приумножил в течение жизни⁴¹. О его отношениях с крестьянами известно немного. В 1930-х гг. по документам Екатеринославского губернского правления в Днепрпетровском областном архиве, газета «Заря» сообщила о высылке Лаппо-Данилевским в 1855 г. крепостной Агафьи Чебановой в Сибирь за «непокорность и развратную жизнь», которые в духе времени трактовались как акт революционного неповиновения⁴². Из исторических публикаций советского времени в самой общей форме известно о волнениях в канун реформы 1861 г. среди крестьян, работавших в Райпольской экономии А.А. Лаппо-Данилевского⁴³.

Женат Александр Александрович был на **Екатерине Семеновне Гангебловой**⁴⁴, благодаря которой в жилах

С.Г. Гангеблов. Портрет работы Дж. Доу (1826)

екатеринославских Лаппо-Данилевских течет грузинская и сербская кровь. Русские Гангебловы (Гангеблишвили) – потомки азнаура **Георгия (Егора) Христофоровича Гангеблова**, выехавшего в Россию в 1739 г.; он погиб в бою с турками в чине майора в 1772 г. Его сыном был **Семен Георгиевич (Егорович) Гангеблов** (27.05.1757, Москва – 17.02.1827, с. Богодаровка Верхнеднепровского у. Екатеринославской губ.)⁴⁵, участник русско-турецких войн, окончивший службу в чине генерал-майора; он был лично награжден А.В. Суворовым чином подполковника за решительные действия при подавлении Польского восстания 1794 г.⁴⁶ Портрет его украшает Военную галерею 1812 г.⁴⁷ 20 марта 1818 г. Гангеблов по собственному прошению был уволен «за ранами» от службы с «мундиром и полным содержанием».

Семен Георгиевич Гангеблов имел от брака с княжной **Екатериной Спиридоновной Манвеловой** (1773–1853, с. Богодаровка Верхнеднепровского у. Екатеринославской губ.) шестерых детей – трех сыновей и трех дочерей, одной из которых как раз и была Екатерина Семеновна Гангеблова, родная бабушка А.С. Лаппо-Данилевского со стороны отца.

Наиболее яркая личность из ее братьев и сестер – декабрист **Александр Семенович Гангеблов** (17.06.1801–1891); в 1814 г. он поступил в Пажеский корпус, после производства в камер-пажи определен в Павловск, ко двору императрицы Марии Федоровны. 26 марта 1821 г. выпущен прапорщиком в лейб-гвардии Измайловский полк; с 21 апреля 1822 г. – подпоручик, с 18 июня 1825 г. – поручик. Член петербургской ячейки Южного общества с 1825 г.; участник деятельности Северного общества. 23 декабря 1825 г. был арестован; 13 октября 1826 г. выпущен из Петропавловской крепости и переведен на Кавказ, где участвовал в военных действиях. 6 июня 1832 г. Гангеблов был уволен от службы с чином поручика с условием постоянно жить в с. Богодаровке, полученном некогда его матерью в приданое. В конце 1830-х гг. для него исхodataйствовано высочайшее прощение; он постепенно восстановлен во всех правах, связанных с его дворянским происхождением⁴⁸.

А.С. Гангеблов был одарен как рисовальщик⁴⁹, но подлинную известность ему принесли его прекрасные в литературном отношении мемуары. Их первая версия была опубликована в «Русском архиве» в 1886 г. (по просьбе издателей Гангеблов описал в них свое участие в декабристском движении)⁵⁰. Эти воспоминания имели большой литературный успех, что побудило автора выпустить спустя два года их более полный вариант⁵¹, снабдив его приложением «Сведения о деде и родителе»⁵². Здесь Гангеблов увлекательно описывает нравы весьма пестрого по происхождению екатеринославского дворянства, и в первую очередь свою родню – обрусевших грузин и сербов⁵³. Гангеблов вскользь упоминает о том, что его бабушка по матери происходила из многочисленного сербского рода

Чорба, что позволяет ему набросать портреты ряда представителей этого рода – воинственных и простодушных⁵⁴. О деде своем, князе Спиридоне Николаевиче Манвелове, женатом на Чорбе⁵⁵, Гангелов ничего не пишет; впрочем, благодаря месяцеслову известно, что в середине 1790-х он в чине секунд-майора был городничим в Чигирине⁵⁶. В родных местах воспоминания Гангелова читались с большим интересом и вниманием⁵⁷.

Но вернемся к деду историка, **Александру Александровичу Лаппо-Данилевскому**. Благодаря его неоконченному завещанию⁵⁸ у нас есть возможность представить себе эту личность и понять мотивы, которыми он руководствовался. Надо сказать, что жизнь Александра Александровича – редкий в истории Лаппо-Данилевских пример увлеченного и в высшей степени эффективного хозяйствования во имя благосостояния семьи. Незаурядный достаток, достигнутый этими усилиями, дал возможность Александру Александровичу определить двух из трех своих сыновей в 1850-е гг. на военную службу в Петербург, в Кавалергардский полк (удовольствие недешевое). А его дети и внуки имели возможность не только получить прекрасное образование, но и расширить его благодаря продолжительным поездкам в Европу.

Видимо понимая, что его недомогание может оказаться смертельным, Александр Александрович решил завершить раздел имущества между своими близкими, раздел, который уже был отчасти начат. Хотя завещание не было окончено и переписано набело, оно поражает детальным знанием угодий и изобилует красочными подробностями. Поневоле придется крайне схематически изложить содержание этого документа, обращая внимание главным образом на крупные земельные угодья и умалчивая о судьбе скота, инвентаря и проч. Александр Александрович оставил свою жену Екатерину Семеновну «полновластною хозяйкою и распорядительницею в жилом моем доме, что в сем Гуляй-Поле со всею в нем мебелью, домашнею посуду, бельем, серебром, со всеми в доме употребляемыми и к дому принадлежащими вещами, при том с оранжерею и с растениями в ней и с садом возле дома находящимся», а также ряд хозяйственных построек. Ей было предоставлено решить, будет ли она стремиться к выделению «вдовьей части» – т.е. «четвертой части движимости» и «седьмой части недвижимого».

Выясняется, что старшему сыну **Сергею** еще в 1862 г. (видимо, в связи с женитьбой) было выделено «во владение три тысячи десятин земли удобной с неудобною» «с усадьбою на ней сельца Удачного». При этом ему были даны «на устройство деньги, следовавшие от удачновских крестьян за надел их землею», а также «три тысячи рублей денег, овцы, скот и лошади». К этой земле было по завещанию присоединено еще некоторое число разрозненных участков.

За **Петром**, вторым сыном, также было закреплено три тысячи десятин земли, но при жизни отца были ему даны «в распоряжение и для безотчетного его пользования только две тысячи десятин». Кроме того, в случае смерти отца ему предназначалась «вся усадьба села Гуляй-Поля со всеми в ней зданиями и постройками».

Третьему сыну **Федору** «по выдельному акту» от 27 сентября 1868 г. было предоставлено «пятьсот десятин земли удобной с неудобною, заключающейся в участке Федоровском при реке Саксагани»; ему же теперь предстояло стать владельцем земель «при сельце Рай-Поле и в смежности оно» «всего удобной с неудобною три тысячи восемьдесят девять десятин и 428 квадратных сажень»⁵⁹.

Из самого завещания выясняется, что оно в значительной мере было составлено в пользу Сергея, первенца. Главную роль играло то, что «он имеет уже и немалое семейство». Опасаясь в семье раздоров и тяжб, Александр Александрович посвятил обширный, предпоследний пункт завещания тем кара, которые должны были обрушиться на тех, кто осмелится оспаривать его волю в судах:

«**Седьмой пункт (7)**. После всего вышеобъявленного я убедительно прошу жену мою наблюсти, а сыновей моих не нарушить чего-либо из завещаемого мною в этом за-

вещании, прошу сыновей моих и заклиная их Всемогущим Богом: уважать свою мать постоянно, не ссориться по смерти моей между собою ни за наследство, ни за что-либо другое, если же кто-либо из них затеет спор подачею письменных жалоб, протестов или прошений о какой-либо отмене назначаемого мною в этом завещании, не уважая предпоследнюю сию мою к ним просьбу и распределение моего состояния, великим моим трудом честно приобретенного мною, то такового, начавшего иски или тяжбы, я лишаю всего овцеводства, скотоводства и денег, как движимого моего благоприобретенного имущества, а равно лишаю таких сыновей и тех частей земли, которое им по этому моему завещанию прибавляется в собственность каждого из них, имея во внимании то: что хотя бы таковая прибавляемая им земля и была бы из числа моей наследственной, но в общей массе моего имущества бывшего до выдела мною сыновьям моим частей оно, большая часть моей земли была мною благоприобретенная, на назначение которой по моему благоусмотрению я имел и имею по законам полную волю; и затем поясню, что как заспоривший из моих сыновей должен за то лишиться сказанного мною в этом пункте, то отнимаемая у заспорившего часть должна оставаться в пользу братьев его не зачинавших спора, или ежели бы заспорили бы двое из сыновей моих, а один из них оставался бы не зачинавшим спора, то отнимаемые части у двух заспоривших должны оставаться и одному не начинавшему спора»⁶⁰.

Для характеристики отношений в семье Александра Александровича имеет смысл процитировать и заключительный пункт завещания, в котором он отрешается от материальных аспектов и с христианским смирением просит близких о снисхождении и поминовении:

«**Восьмой пункт (8^а)**. Последняя же моя просьба к сыновьям моим заключается в том: чтобы они по смерти моей почтили бы мой прах, не тревожа его какими-либо укоридами или обвинениями, так как все мы в мире жившие и живущие люди грешные перед Богом, а также я, конечно, как человек делал в своем жизненном пути ошибки, однако же более сорока лет лучшей по летам и силам в моей жизни я провел не в приискиваниях для удовольствий моих и утех, но в служении моему семейству и трудился же я постоянно не для одного себя, но всегда имевши заветное для себя условие: трудиться честно и изо всех моих сил для пользы и счастья моего семейства, а вместе с ними и моего, и с такими намерениями я приобрел и все мое состояние, оставляемое моим сыновьям, хотя это мое намерение и труды мои, может быть, и ускользали от внимания окружавших меня; прошу также сыновей моих по смерти моей хотя изредка молиться Богу обо мне и о прощении моих грехов и хотя во дни моего рождения и Ангела делать поминовения по мне церковным служением, присутствуя по мере возможности и лично в Церкви Божией при таких о мне поминовениях»⁶¹.

К чести братьев Лаппо-Данилевских следует сказать, что они выдержали испытание богатством и смиренно приняли волю скончавшегося родителя. Об этом можно заключить из следующей приписки, сделанной на завещании:

«После скоростижной кончины блаженной памяти родителя нашего Александра Александровича Лаппо-Данилевского это духовное завещание найдено нами в его саке, не подписанное и набело не оконченное...»

Считая волю покойного отца нашего для нас святою неприкосновенностью, дабы не нарушать его памяти и спокойствия священного для нас его праха мы сею подписью всецело признаем его волю и постановляем: разделить оставшиеся после смерти покойного родителя нашего движимое и недвижимое достояние на точном основании сего духовного завещания. Что и утверждаем нашими подписями.

Катерина Лаппа Данилевская
Сергей Лаппо-Данилевский
Петр Лаппо-Данилевский
Ф. Лаппо-Данилевский

Свидетелем был при чтении сего духовного завещания 3 августа 1871-го года. Наследники до чтения сего

духовного заявили единодушно, что все, что будет в сем духовном написано, исполнится ими беспрекословно.

Генерал-майор князь Николай Манвелов»⁶².

Упомянутый в последней строке авторитетный родственник – это несомненно ген.-лейтенант Николай Николаевич Манвелов (1816 – после 1889), погребенный в селе Александровке Верхнеднепровского уезда⁶³. Некоторую информацию о нем можно почерпнуть из литературы о М.Ю. Лермонтове. В 1889 г. он (тогда еще в чине генерал-майора) передал в Лермонтовский музей альбом, содержащий рисунки поэта периода его пребывания в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Манвелов учился здесь вместе с Лермонтовым в 1833–1834 гг., о чем проникновенно написал в письме, пояснявшем, как он оказался владельцем «памятника художественных дарований незабвенного поэта»⁶⁴. Екатерина Семеновна Лаппо-Данилевская (урожд. Гангеблова) была двоюродной сестрой Николая Николаевича Манвелова, обращение к нему в столь ответственный момент было вполне естественным. Связь с Манвеловыми у следующих поколений Лаппо-Данилевских не прерывалась⁶⁵.

В заключение укажу, что именно А.А. Лаппо-Данилевский основал в Гуляй-Поле конный завод, о котором в «Книге рысистых лошадей» Н.Д. Лодыгина было сделано следующее примечание при характеристике племенных производителей, принадлежавших его среднему сыну Петру «по сведению 6-го июля 1872 года»: «Основан отцом нынешнего владельца поручиком А.А. Лапа Данилевским 1859 покупкою рысистых лошадей у Н.А. Болдырева. По смерти А.А. Лапа-Данилевского и после раздела с братом Ф.А. Лапа-Данилевским часть завода, находящаяся в с. Гуляй-Поле, досталась в ноябре 1866 нынешнему владельцу»⁶⁶. В 1859 г. А.А. Лаппо-Данилевский получил от высочайших инстанций разрешение выстроить в Гуляй-Поле табачную фабрику, но этот замысел, кажется, не осуществил⁶⁷.

V.

Биография **Сергея Александровича Лаппо-Данилевского** (2.12.1834⁶⁸ – 30.11.1911, Ялта⁶⁹) в его ранней, связанной с государственной службой части неплохо известна и отражена даже в ряде печатных источников. Повторю важнейшие данные, опираясь на наиболее полный формулярный список, представленный его старшим сыном Александром историко-

филологическому факультету Санкт-Петербургского университета в связи с зачислением на учебу в 1882 г.⁷⁰

17 июня 1854 г. Сергей Александрович кончил «полный курс наук» в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров старшим офицером⁷¹; 27 июня 1854 г. вступил корнетом в Кавалергардский ее величества полк; 23 апреля 1859 г. был произведен в поручики; 23 апреля 1860 г. – в штабс-ротмистры; с 27 июня по 11 июля 1854 г. находился в составе войск, охранявших побережье С.-Петербургской губернии, с 3 июля по 13 сентября 1856 г. находился в Москве в составе войск гвардейских и гренадерского корпусов, собранных там по случаю коронации Александра II; 29 сентября 1860 г. – уволен из военной службы. Этот поворот судьбы был вызван состоявшейся в начале 1860-х гг. женитьбой Сергея Александровича на Наталии Федоровне Чуйкевич; их первенец Александр родился 15 января 1863 г. В 1862–1871 гг. Сергей Александрович Лаппо-Данилевский был предводителем дворянства Верхнеднепровского уезда (избирался четырежды на трехлетний срок). 15 сентября 1866 г. он участвовал от Верхнеднепровского уезда в торжественном открытии первого Екатеринославского губернского собрания и губернской земской управы⁷². В 1867 г. был возведен в звание почетного гражданина г. Верхнеднепровска⁷³. 14 июня 1869 г. пожалован в статские советники. Приказом по Министерству внутренних дел от 1 марта 1871 г. за № 11, причислен к этому министерству с откомандированием в распоряжение новороссийского генерал-губернатора 25 апреля 1871 г. 9 декабря 1872 г. избран действительным членом Императорского Общества сельского хозяйства Южной России. Приказом по Министерству внутренних дел от 23 марта 1873 г. за № 11 назначен таврическим вице-губернатором с 16 марта 1873 г. 27 июля 1873 г. пожалован в действительные статские советники. В 1873–1879 гг. многократно исполнял должность таврического губернатора. Приказом по Министерству внутренних дел от 8 октября 1879 г. уволен «согласно прошению по расстроенному здоровью от занимаемой должности с причислением к Министерству внутренних дел». За «отлично усердную службу» Сергей Александрович неоднократно награждался⁷⁴.

Войдя в высший эшелон власти, Сергей Александрович оставил государственную службу все же не по «расстроенному здоровью», а, как известно из других источников, по расстроенности состояния своего «немалого семейства». Вызванные отменой крепостного права новые экономические отношения, смерть отца в 1871 г., несомненно бравшего на себя немалое количество забот по имениям сына и неотлучно находившегося рядом с ними, – все это, думается, сказалось не лучшим образом на доходах Сергея Александровича. Кроме того, унаследовав с братом Федором после смерти среднего брата Петра село Гуляй-Поле, обремененное выплатами кредиторам (см. об этом ниже), он, видимо, и сам был принужден входить в долги, пожелав сохранить эту вотчину. Все же видеть в Сергее Александровиче только неумелого и незначительного помещика вряд ли допустимо – тридцать последних лет жизни он посвятил укреплению благосостояния семьи. Он спас свои имения, унаследованные от отца, от продажи за долги (об этом ниже), упорядочил дела семьи и перевел часть капиталов «в билеты, акции и другие бумаги», как узнаем из его завещания 1898 г. Все пять детей его получили хорошее образование. При этом только старший сын Александр оказался неплохо обеспечен благодаря стремительно сделанной академической карьере⁷⁵; в сущности, только он и мог обойтись без родительской поддержки, завершив образование и удачно начав научную деятельность.

Но вернемся к братьям Сергея Александровича. Средний из них **Петр Александрович Лаппо-Данилевский** (29.06.1837⁷⁶ – ок. 1875) также обучался в Школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, но в ней «не окончил полного курса наук». 16 июня 1856 г. был произведен «по экзамену» в

С.А. Лаппо-Данилевский-кавалергад (1859)

коллежские регистраторы и вступил 20 июня 1858 г. в Харьковское Дворянское депутатское собрание исправляющим должность экспедитора без жалования или иного содержания⁷⁷. На мысли о неблагоприятных чертах, присущих его личности или психическому складу, наводит дальнейшая судьба Петра Александровича. Унаследовав после смерти отца в 1871 г., помимо прочего, с. Гуляй-Поле (явно не обремененное долгами), он очень быстро доводит его до бедственного состояния и через четыре года умирает. Его братья для вхождения в права наследства публикуют в апреле 1875 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях» объявление: «Опекуны по имени умершего помещика Петра Александровича Лаппо-Данилевского просят кредиторов покойного, равно лиц, имевших с ним денежные расчеты вообще, предъявить свои требования, адресуясь для сего в гор. Екатеринослав, к Борису Исааковичу Горовицу, живущему там же, в собственном доме»⁷⁸.

Вскоре в той же газете появляется объявление от Правления земского банка Херсонской губернии о назначении «в публичную продажу заложенных и просроченных нижеследующих недвижимых имений», среди которых было упомянуто: «Коллежского секретаря Петра Александровича Лаппо-Данилевского 3 868 дес. 380 кв. саж. земли, при сел. Гуляй-Поле. Оценено в 170 280 руб. Капитального долга 83 311 руб. 43 коп.»⁷⁹. Братья Петра Александровича, унаследовавшие Гуляй-Поле, в этот раз предотвращают продажу, но три года спустя в «Московских ведомостях» появляется объявление о назначенных тем же банком к продаже имениях, из которого выясняется, что к тому моменту в довольно критическом состоянии была также и земельная собственность Сергея Александровича⁸⁰.

Кажется, и тогда продаж удалось избежать, но, сознавая критичность сложившейся ситуации, Сергей Александрович вышел осенью 1879 г. в отставку. Борьба за Гуляй-Поле, видимо, еще какое-то время продолжалась, но была проиграна, и в 1880-е гг. новым его владельцем стал купец Давид Васильевич Пчелкин⁸¹. Пчелкин выстроил в Гуляй-Поле кирпичный усадебный дом и монументальные складские помещения; эти здания существуют по сей день.

Федор Александрович Лаппо-Данилевский (25.01.1839⁸² – ок. 1897⁸³), подобно старшему брату и отцу, начал свой жизненный путь с военной службы. После окончания Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров он был 11 июня 1858 г. выпущен

корнетом в Кавалергардский полк; в 1860 г. произведен в поручики. 28 января 1862 г. уволен в отставку⁸⁴. Федор Александрович – автор «Путевой заметки о кровном германском овцеводстве породы рамбулье и нескольких указаний для южно-русских овцеводов», завершённой в Берлине 20 февраля 1883 г. по просьбе известного знатока сельского и лесного хозяйства Василия Иеремиевича Гомилевского (1846–1918)⁸⁵. В «Путевой заметке» дан обзор племенных овчарен, находившихся вблизи Берлина; упомянут накопленный опыт по разведению и скрещиванию породы рамбулье в собственном имении Ф.А. Лаппо-Данилевского Рай-Поле. Столь же интенсивно он занимался овцеводством на хуторе Успеновка (Успенское) в Светлопольской волости Александрийского уезда Херсонской губернии (общая площадь – 758 десятин 1025 сажень; из родовой собственности его матери)⁸⁶. Уже после смерти Федора Александровича среди имущества его брата Сергея фигурировала «племенная овчарня, имеющая пять больших золотых медалей, из них две обеих Всероссийских выставок и Всемирной парижской»⁸⁷. Думается, этих наград добился именно Федор Александрович. Как и его брат Петр, он был погребен в Гуляй-Поле в семейной усыпальнице.

Верной спутницей в непростом жизненном пути Сергея Александровича была его жена – **Наталья Федоровна Лаппо-Данилевская**, (урожд. Чуйкевич; 19.10.1842⁸⁸, Петербург – 7.01.1916, Симферополь), принадлежавшая по рождению к одной из наиболее знатных и культурных семей Малороссии, представители которой не раз играли видную роль в ее политической истории. Недавно опубликованная роспись рода⁸⁹ освобождает меня от необходимости подробно останавливаться на всем многообразии родственных связей, в которые были вовлечены Лаппо-Данилевские этим браком. Укажу лишь, что ее прапрадед – выдающийся юрист, бунчуковый товарищ Федор Александрович Чуйкевич (ум. ок. 1764), составивший кодекс «Суд и расправа в правах малороссийских» (1750); он был положен в основу юридических реформ, проведенных на Украине в гетманство К.Г. Разумовского. Отец Натальи Федоровны – **Федор Михайлович Чуйкевич** (ок. 1801 – после 1863)⁹⁰ закончил службу начальником Отделения канцелярии Морского министерства в чине действительного статского советника⁹¹; он был женат на Анастасии Григорьевне Похвисневой, дочери генерал-поручика. Помимо дочери Натальи, в этом браке родилось еще двое детей – сын Александр и дочь Мария. Как и Лаппо-Данилевские,

Ф.А. Лаппо-Данилевский-кавалергард (1859)

Н.Ф. Лаппо-Данилевская (1870-е)

Чуйкевичи были помещиками Верхнеднепровского уезда.

Личность **Анастасии Григорьевны Чуйкевич** (ок. 1812 – 16.05.1893, Ялта)⁹² рельефно высвечивается благодаря нескольким упоминаниям в письмах А.С. Лаппо-Данилевского. Так, в июне 1890 г. он писал своей будущей жене Е.Д. Бекарюковой из Ялты, где гостил «на даче Чуйкевичей»⁹³; сожалея, что «работа подвигается медленно» и многое отвлекает его от книг: «Чтения эти прерываются разными домашними обстоятельствами: вчера, например, бабушка наставляла меня на путь истинный. Она зашла ко мне в комнату, увидела немецкие книги о религии, в том числе книгу Müller'a "Natürliche Religion"⁹⁴, стала выражать свое недоверие к немецким авторам и убеждать меня, что необходимо, прежде всего, сохранить веру. Я слушал ее, не возражал, но не мог согласиться и потому молчал, что ей не понравилось. Старушку иной раз удовлетворить очень трудно»⁹⁵.

Месяц спустя также из Ялты А.С. Лаппо-Данилевский писал Марии Сергеевне Гревс (урожд. Зарудной), жене своего друга И.М. Гревса, с которой его связывали особенно теплые отношения: «Здесь в Ялте я гощу у бабушки и тети, с которыми очень дружен. Старушка очень рада была моему приезду, хотя я и огорчаю ее иногда. Первое огорчение – это платье. По ее понятиям я одеваюсь недостаточно элегантно, и на этот счет я выслушиваю разные наставления и замечания. Иной раз очень трудно воздержаться от неподходящего ответа. Это хорошее упражнение в терпении и понимании других понятий и других условий быта. Второе огорчение или, скорее, беспокойство – это недостаточно частое хождение в церковь. Я в воскресенье пошел с ними вместе, чтобы не нарушать их душевного спокойствия, а сегодня – день Петра и Павла, не хотелось нарушать обычного течения своего невоскресного дня, и бабушке это не совсем понравилось. Она прочла мне главу из послания ап. Павла и долго говорила о том, сколько у молодых людей бывает искушений в вере, как у нее было свое тяжелое время и как она вернулась на путь истинный под влиянием чтения Боссюзютовых "Discours sur l'histoire universelle". В следующий праздник уж пойду к обедне вместе с нею, хоть это и мучительно очень. Вы из этого можете заключить, что я обманываю людей, которых очень люблю. Хорошо ли это – не решил еще, да и, правду сказать, не могу иначе, слишком это им (и матери еще больше) доставит горя»⁹⁶.

Эти цитаты – драгоценны и как признание различий в понятиях и в быте, неизбежно возникавших в связи с интересами молодого ученого и с избранным им образом жизни, и как свидетельство о глубоких родовственных чувствах, ставивших его перед непростым нравственным выбором. В мае 1893 г. А.С. Лаппо-Данилевский из Петербурга сообщал жене: «Вчера получил грустное известие о смерти бабушки в Ялте. Как ты знаешь, я ее очень любил. Правда, старушке был уже 81 год, тем не менее, тяжело и странно об этом думать...»⁹⁷

Сильный характер Анастасии Григорьевны Чуйкевич, ее верность сословным представлениям сыграли печальную роль в драматичной судьбе ее первенца **Александра Федоровича Чуйкевича** (18.05.1840 – декабрь 1917), окончившего 13 мая 1861 г. Императорское училище правоведения в Петербурге. Не столь давно опубликованные мемуары Александра Петровича Соловова, внука жены Александра Федоровича – Варвары Андреевны, урожденной Белокрысовой (1845 – 30.02.1929, Москва) содержат рассказ, проливающий свет на причины его не состоявшейся юридической карьеры: «Брак Варвары Андреевны с богатым украинским помещиком Александром Федоровичем Чуйкевичем сопровождался романтическими событиями. Окончив в Петербурге основанное при императоре Николае Первом привилегированное Училище правоведения, Александр Федорович готовился к блестящей карьере, но, на беду, встретил и полюбил молоденькую девушку Варю Белокрысову, сделал ей предложение и получил согласие ее родителей. Но этому браку решительно воспротивилась

мать Александра Федоровича, надменная генеральша, гордившаяся родством Чуйкевичей с украинскими гетманами и считавшая невесту недостойной своего сына.

Тогда, желая отомстить матери, Александр Федорович поклялся в церкви, что всю жизнь останется холостым, вышел в отставку и поселился в своем именье. С карьерой было покончено.

Прошли годы, бабушка вышла замуж за В. Лутковского, родила троих детей, овдовела. Умерла и мать Александра Федоровича, и тогда бывшие жених и невеста встретились вновь. Недаром говорит пословица: «Старая любовь не ржавеет». Александр Федорович повторил свое предложение и вновь получил согласие молодой вдовы. Но как нарушить церковную клятву? Выход был найден: в своей деревне Дарьевке, Верхнеднепровского уезда, бывшей Екатеринославской губернии (ныне Днепропетровская область), Александр Федорович обошел все крестьянские дома и в каждом униженно просил прощения за нарушение своего обета! Эта церемония протекала примерно по такому стандарту: войдя в хату, встав на колени и кланяясь в землю, Александр Федорович говорил: «Братья и сестры, простите меня, я клятвопреступник...», на что испуганные хозяева отвечали: «Что вы, батюшка барин, встаньте, встаньте, Бог простит!..» Прощения были получены от всех, несложная церковная епитимья была выполнена, брак благополучно состоялся, и супруги прожили в согласии более сорока лет. Своих детей у них не было»⁹⁸.

Соловов красочно описывает гостеприимство и хлебосольство в Дарьевке, имении А.Ф. Чуйкевича, небольшом, но приносившем неплохой доход благодаря черноземным почвам. При этом Чуйкевич, как отмечает Соловов, был «идейным сторонником Столыпинской реформы и постепенно по дешевке распродал свою землю "крепким мужикам", так что к революции его угодья значительно поуменились. Вместе с внуками Чуйкевичи нередко отдыхали в Крыму, где, по всей видимости, навещали и сестер Александра Федоровича, если не жили у одной из них»⁹⁹. В декабре 1917 г. А.Ф. Чуйкевич был убит в Дарьевке бандитами, проведавшими, что он привез из города крупную сумму денег для расплаты с сезонными рабочими.

О **Наталии Федоровне Лаппо-Данилевской** (урожд. Чуйкевич) мы знаем сравнительно мало, значение ее в жизни близких и города Симферополя еще предстоит осознать. Отчасти эту лауну заполняет прочувствованный некролог известного историка А.И. Маркевича, опубликованный 14 января 1916 г. в газете «Южное слово» (с подп.: «М.»)¹⁰⁰. Наталия Федоровна получила прекрасное домашнее образование, что позволило ей в зрелом возрасте начать педагогическую деятельность. Выйдя замуж в начале 1860-х гг., она последующие двадцать лет посвятила воспитанию детей; два ее сына и три дочери родились в период с 1863 по 1871 г. В 1870-е гг. она соединяет заботы о детях с частным преподаванием; затем сдает экзамен на звание домашней учительницы. 13 октября 1882 г. она была утверждена министром народного просвещения начальницей Симферопольской женской гимназии¹⁰¹, которую возглавляла «более двенадцати лет». О побудительных причинах поступления ее на службу известно из некролога Маркевича, близко знавшего семью Лаппо-Данилевских в течение многих лет:

Нат. Ф. Лаппо-Данилевская (1910-е)

«Когда супруг Наталии Федоровны, таврический вице-губернатор, оставил

службу и поселился в деревне, чтобы поднять запущенное хозяйство, она, выросшая в помещицкой неге и холе, привыкшая к более чем обеспеченной жизни, не остановилась перед необходимостью личного труда для блага семьи и в том же Симферополе, где она занимала видное общественное положение, давала частные уроки, а затем выдержала испытание на звание домашней учительницы, что дало ей возможность получить в 1881 г. место начальницы женской гимназии, освободившееся в это время.

На этом поприще нравственная личность Наталии Федоровны сказалась еще определеннее. И тут она была, прежде всего, поборницей и носительницей долга. Строгая и требовательная и в то же время добрая, сердечная и отзывчивая по отношению к воспитанницам, всегда ровная и простая к сослуживцам и подчиненным, вдумчиво и серьезно относившаяся к своим обязанностям, она вызывала в гимназии общее уважение и любовь и поставила воспитательную часть в ней на образцовую высоту; эта деятельность ее еще более усилила уважение и почтение к ней местного общества»¹⁰².

Нельзя умолчать и о музыкальных дарованиях Наталии Федоровны, ее роли в музыкальной жизни Симферополя: «Прекрасная пианистка, покойная Наталия Федоровна принимала живое участие и в жизни существовавшего в то время в Симферополе музыкального кружка, и на вечерах этого кружка и городского клуба ее чудная игра доставляла высокое эстетическое наслаждение. До конца своей жизни покойная не оставляла музыки и передала своим детям большие музыкальные способности»¹⁰³.

Овдовев в 1911 г., Наталия Федоровна жила главным образом в Симферополе, «с которым связывало ее много воспоминаний и добрых отношений». Маркевич пишет «о полной материальной обеспеченности в старости», которая не вызвала никаких перемен «в ее духовном существе». О кончине Наталии Федоровны сообщили две важнейшие крымские газеты: «Дочери, сыновья, сестра, брат и внуки извещают родных и знакомых вдовы действ. стат. советника Наталии Феодоровны Лаппо-Данилевской, что 7 января в 10 ч. 10 м. душа ее отлетела к Своему Творцу и Богу»¹⁰⁴. На похороны матери из Петербурга приехал А.С. Лаппо-Данилевский¹⁰⁵, он же затем принял на себя заботы по ее погребению в Ялте¹⁰⁶. На отпевание Наталии Феодоровны в церкви казенной женской Симферопольской гимназии пришло столь большое количество людей, что ее родственники, не имея возможности поблагодарить всех лично, сделали это через газету¹⁰⁷.

О младшей сестре – **Марии Федоровне Чуйкевич** (24.06.1844¹⁰⁸ – после 1919) известно крайне мало. Она никогда не была замужем; с племянником, будущим историком, ее связывали очень теплые отношения, как можно судить по отзывам в письмах. Десятилетнему Саше во время поездки в Швейцарию она подарила в день своего рождения альбом (так называемая «зеленая книга»), в который он заносил свои мысли и выписки из волновавших его книг, со следующим посвящением:

«A mon cher neveu et ami Alexandre Lap-po-Danilevsky, pour y mettre tout les bonnes idées qu'il aura ou qu'il entendra, en souvenir de sa tante et amie Mary Tschuikévitch.

30 Aout 1873

Vevey. Mon jour de naissance»¹⁰⁹.

М.Ф. Чуйкевич (1870-е)

Точная дата смерти Марии Федоровны неизвестна; когда скончалась ее старшая сестра, она еще была жива. Согласно «Списку владельцев недвижимых имуществ города Ялты» за 1919 г. ей принадлежало владение по улице Аутской площадью 650 кв. сажень (34 квартал), оценивавшийся в 45 000 руб.¹¹⁰

VI.

Как уже упоминалось выше, в браке С.А. и Н.Ф. Лаппо-Данилевских родилось пятеро детей. **Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский** (15.01.1863, имение Удачное при селце Удачном Вехнеднепровского уезда Екатеринославской губернии – 7.02.1919, Петроград) из них заслуженно пользуется наибольшей известностью, в силу чего здесь подробно останавливаться на его биографии, как и на обстоятельствах жизни его сыновей **Ивана**¹¹¹ и **Александра**¹¹², смысла не имеет. Укажем лишь на следующий факт, важный в контексте семейной истории: восприемниками при крещении А.С. Лаппо-Данилевского 31 января 1863 г. в Свято-Николаевской церкви в Гуляй-Поле стали Ф.М. Чуйкевич и Е.С. Лаппо-Данилевская¹¹³. Напомню, что детские годы Александра Сергеевича прошли в Удачном, а в Симферополе он с золотой медалью окончил одну из лучших гимназий Юга России; прошлое Малороссии, Новороссии и Крыма входило в сферу его научных интересов.

Второй по старшинству была **Мария Сергеевна Лаппо-Данилевская** (3.03.1864¹¹⁴ – 1920-е, Ялта). Сохранилось лишь одно письмо ее к старшему брату в связи с его женитьбой, состоявшейся в ее отсутствие; оно заслуживает того, чтобы быть приведенным здесь целиком: «Оренбург, 22^е авг. <уста> 1891 г.

Саша, голубчик, мое долгое молчание не приписывай забывчивости или недоброежелательству. Напротив, я сердечно рада за тебя, что ты теперь женатый человек. Дай Бог тебе всякого счастья и благополучия на многия и многия лета. Хотела я тебя поздравить телеграммой, но ты так неопределенно написал адрес, что я не могла себе доставить это удовольствие и потому решила писать тебе прямо в Питер.

Одно меня печалит – что я не знаю твоей жены и даже не имею о ней ни малейшего понятия; ты был так скрытен и никогда даже не упоминал ее фамилии. Обещай мне прислать в скором времени карточку [твоей] Елены Дмитриевны или, если она не имеет ничего против, прямо Лёли. Скажи, что я ужасно сожалею, что не знаю ее, и убеждена, что мы полюбили бы друг друга; по крайней мере, я расположена к ней всем сердцем и готова любить ее как сестру.

Ты пишешь мне, что думаешь переменить квартиру, – не забудь прислать мне адрес. Что Сергей? будет ли продолжать жить с тобой? на твоём бы месте я бы его выгнала: не следует третьему мешаться в молодое хозяйство. Вели ты ему написать хоть человеческое письмо ко мне: все отделяется приписками и нежными словами. Если Бог даст, буду в Питере эту зиму (c'est un grand secret), зайду посмотреть на ваше житье и лично выразить Елене Дмитриевне мое к ней расположение.

Да хранит вас Господь и поможет в новой жизни.

Твоя сестра и друг

М. Лаппо-Данилевская»¹¹⁵.

Мария Сергеевна жила главным образом в Ялте¹¹⁶. Не выйдя замуж, она посвятила себя благотворительности. Согласно семейной памяти она снискала особенно большое уважение на этом поприще в годы Русско-японской войны 1904–1905 годов. Рискну суммировать также некоторые разрозненные сведения, почерпнутые из разнородных источников. В 1896 г. она вместе с М.Ф. Чуйкевич и другими жертвователями участвовала в организации яслей для детей Заречья на даче С.В. Дараган в Ялте¹¹⁷. С 1899 г. она член Ялтинского благотворительного общества,¹¹⁸ которое возглавляла с середины 1900-х по начало 1910-х¹¹⁹. В 1910-е гг. Мария Сергеевна была владелицей популярной в кругах ялтинской интеллигенции кондитерской «Чашка чая»¹²⁰. Согласно «Списку владельцев недвижимых имуществ города Ялты» за 1919 г. ей при-

М.С. Лаппо-Данилевская (1900-е)

Нат.С. Лаппо-Данилевская (1890-е)

С.С. Лаппо-Данилевский-гимназист (1885)

надлежало владение по ул. Аутской площадью 200 кв. саженей (34 квартал), оцененное в 16 000 руб.¹²¹

Наталья Сергеевна Лаппо-Данилевская (8.07.1865¹²² – 1923, Ялта) отличалась слабым здоровьем. О ней и о самой младшей сестре Надежде А.С. Лаппо-Данилевский писал М.С. Гревс в июне 1890 г. из Симферополя в связи с впечатлениями от города своих гимназических лет:

«Теперь я в Симферополе у матери.

Что сказать Вам о своей внутренней жизни за последнее время? Мне кажется, что мы так давно уже расстались, а прошла всего одна неделя. Я теперь в каком-то ленивом настроении. Южное ли солнце, домашняя ли обстановка или усталость – не знаю, право, но результат получается во всяком случае печальный: работаю мало и думаю того меньше. Хотелось бы просто греться на солнце, как животному низшего порядка. Но, разумеется, я противодействую этому непривычному мне настроению. Противно глядеть на себя за такое безделье. Выбравите меня хорошенько в своем письме, может быть, это поможет.

Я очень люблю разговаривать с здешними татарами. Встречаются среди продавцов фруктов знакомые еще с гимназических лет. Я люблю их манеру держать себя. В ней видна такая независимость, такое простое безыскусственное отношение к человеческой личности, которое не встречается у русских крестьян. Быть может, это давнишнее наследие свободной степной жизни или влияние свежего горного воздуха.

Здесь, с одной стороны, мне живется хорошо, потому что окружен близкими, родными людьми (мать и сестры), но, с другой стороны, я не удовлетворен жизнью моих младших сестер. Они живут без определенной разумной цели. Хочется протестовать, сказать им кое-что, а между тем боишься как-нибудь огорчить, нарушить их душевное равновесие, не дав средств выйти из этого неопределенного состояния. Правда, что одна из сестер только что оправилась от серьезной болезни, а другая только этой весной окончила гимназию. Пишу Вам об этом, потому что мысли о них меня тревожат»¹²³.

Эти скудные сведения о Наталье Сергеевне дополняет яркий штрих – в 1916 г. она выслала В.Г. Короленко две повести, которые хотела опубликовать под псевдонимом «Н. Степанова» в журнале «Русское богатство», выходившем под его редакцией¹²⁴. В первой из них – «Большое и нежное сердце (Биль. Голодный год)» – рассказывается о самоотверженном приезде в деревню молодого священника Андрея Преображенского (своеобразное религиозное народничество). Его искренние побуждения улучшить жизнь крестьян рушатся при столкновении с глобальной катастрофой – голодом. Вторая повесть «Жертва современности» – перенесенный в начало XX столетия вариант истории гетевской Гретхен (так зовут и главную героиню), умертвляющей своих детей в приступе социальной безысходности.

Композитор **Сергей Сергеевич Лаппо-Данилевский** (8.04.1868, с. Гуляй-Поле Верхнеднепровского у. Екате-

ринославской губ.¹²⁵ – 1957, Хельсинки) окончил в 1888 г. ту же Симферопольскую мужскую казенную гимназию, что и его старший брат, и поступил на математическое отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета, которое окончил в 1894 г. с дипломом второй степени. Как можно заключить из его прошения от 11 мая 1890 г. на имя ректора университета, он собирался сдавать в августе того же года экзамен в Институт инженеров путей сообщения и, видимо, посещать там занятия, не покидая основного места учебы. 12 февраля 1896 г. Сергей Сергеевич определился на службу в Отдел земельных улучшений Министерства земледелия, с причислением к нему¹²⁶.

В первые годы студенчества он снимал квартиру вместе со старшим братом (по адресу: Мытнинская наб., д. 13, кв. 6)¹²⁷, который поручился за его благонадежность в следующем письме на имя ректора:

«Ваше Превосходительство,

Г-н ректор,

ручаюсь в том, что брат мой Сергей Сергеевич Лаппо-Данилевский будет жить у меня на квартире в С.-Петербурге (по Мытнинской наб., д. 13) и готов отвечать в его благонадежности и в исполнении им обязанностей каждого добросовестного студента

А. Лаппо-Данилевский

26 июля 1888»¹²⁸.

В письме М.С. Гревс от октября 1890 г. Александр Сергеевич упомянул совместные занятия братьев математикой, которые ему хотелось возобновить:

«Я иной раз чувствую такую страшную жажду знания, так страстно хотелось бы заняться и другими науками, не только сидеть на одной истории, а между тем на каждом шагу приходится убеждаться в собственном бессилии и невозможности всем овладеть. Я предлагаю опять с братом заняться немного математикой по вечерам за чаем»¹²⁹.

Сергей Сергеевич начал службу по Министерству земледелия и государственных имуществ, однако большой карьеры не сделал – в сер. 1910-х он вышел в отставку в чине надворного советника. Брак с Надеждой Александровной Люткевич, романисткой и певицей¹³⁰, заключенный в 1898 г.¹³¹, не был счастлив – в первой половине 1910-х супруги разъехались. Двое детей, сын и дочь, последовали за матерью в эмиграцию во Францию.

В 1900-е гг. Сергей Сергеевич начал публиковать романсы на стихи И.А. Бунина, М.Ю. Лермонтова, Д.М. Ратгауза, А.К. Толстого, И.С. Тургенева, Ф.И. Тютчева, А.А. Фета, А.Н. Яхонтова и других поэтов; позднее он писал также церковную музыку. В 1910-е гг. он некоторое время был товарищем председателя музыкально-художественного общества им. М.И. Глинки в Петербурге. Судя по всему, именно Сергей Сергеевич (а не его брат) возглавил заседание в Капелле в составе 144 участников, на котором было постановлено организовать

«Союз музыкальных деятелей Петрограда» и была сформулирована программа этого сообщества¹³².

С женой и детьми Сергей Сергеевич совместно проживал на ул. Шпалерной, д. 8. В адресной книге Санкт-Петербурга на 1912 г. появляется его новый отдельный адрес: Большая Пушкарская ул., 61¹³³. 28 февраля 1914 г. Сергей Сергеевич приобрел доходный дом у кронштадтской мещанки Ривки Янкелевны Шмерко на Петроградской стороне (построен в 1912 г. архитектором М.С. Лялевичем)¹³⁴. Сумма, уплаченная по купчей, неизвестна. Дом был обременен ссудой в 143 600 руб., выданной Шмерко 14 февраля 1913 г. Санкт-петербургским Кредитным обществом на 37 с половиной лет, которую Сергей Сергеевич обязался выплачивать¹³⁵.

После революции Сергей Сергеевич поселился на даче в Куоккале, видимо, ему принадлежавшей¹³⁶; он возглавил церковный хор здешней церкви, с которым часто устраивал вполне светские концерты, сопровождая исполнению арий из популярных опер на фортепьяно. Сергей Сергеевич входил в ближайшее окружение И.Е. Репина, который отозвался о нем в письме Е.П. Тархановой-Антокольской от 29 октября 1929 г.: «У нас все также, по средам бывают соседи и практикуется чтение новой литературы. Читали Бунина – “Семейство Арсеньевых” (sic!). Очень интересная повесть. Сергей Сергеевич Лаппо-Данилевский – превосходный чтец. Вообще мне на последних днях очень везет в добрых побуждениях моих друзей: так чрезмерно меня хвалили и прославляли мои скромные подвиги в искусстве»¹³⁷.

В эмиграции Сергей Сергеевич преподавал частным образом музыку, а также математику в русской школе в Терийоках. В связи с началом советско-финской войны в 1939 г. он был эвакуирован в Луси «в бывшей Санкт-Михельской губернии» недалеко от Хейнолы (его ценный архив и библиотека при этом были брошены и погибли); позднее переселился в Хельсинки, где жил частными уроками. Его поддерживали бывшие участники куоккальского хора¹³⁸.

Самая младшая сестра **Надежда Сергеевна Лаппо-Данилевская** (1872–10.02.1944, Симферополь) окончила в 1890 г. Симферопольскую казенную женскую гимназию; летом этого года А.С. Лаппо-Данилевский, гостивший в Крыму, помогал ей выработать круг чтения: «Сегодня <...> у меня шли переговоры с младшей сестрой. Надо было указать ей книги, полезные для чтения, и в общих чертах ознакомить ее с их содержанием»¹³⁹. Оба брака

Над.С. Лаппо-Данилевская с сыновьями (ок. 1906)

Надежды Сергеевны оказались несчастливы. Блестяще зная французский язык, она в зрелые годы без труда сдала экзамен на его преподавание, ставшее со временем главным источником ее доходов. В начале 1929 г. А.И. Маркевич настойчиво ходатайствовал о назначении ей пенсии от Академии наук перед С.Ф. Платоновым, который эти просьбы проигнорировал¹⁴⁰. Ей привелось пережить трех сыновей (все от первого брака) – двое погибли в лагерях в 1930-е гг.; третий, отбыв в 1930–1933 гг. заключение в Свирьлаге, ушел в 1941 г. добровольцем на фронт и погиб.

Теперь, представив себе достаточно подробно семью С.А. Лаппо-Данилевского, попробуем уяснить ее имущественное положение в начале XX столетия, несмотря на заведомую неполноту документов. О продаже Гуляй-Поля, вызванного долгами П.А. Лаппо-Данилевского, уже говорилось выше¹⁴¹, поэтому обратимся к другим поместьям.

В двух печатных источниках начала XX в. указана немалая площадь земельных угодий, принадлежавших С.А. Лаппо-Данилевскому. Общая площадь – 6480 десятин в Верхнеднепровском уезде Екатеринославской губернии и в Александрийском уезде Херсонской губернии¹⁴². Так как в одном из источников перечислены его основные имения – Удачное, Рай-Поле и Успеновка, можно сделать вывод, что сведения были переданы уже после смерти Ф.А. Лаппо-Данилевского, но до продажи унаследованного от него хутора Успеновки И.А. Шуйскому в 1898 г. за сто тридцать тысяч пятьдесят рублей¹⁴³. Если отнять эту отчужденную собственность (758 десятин 1025 сажень) от общей площади угодий, указанной выше, то все равно, это еще весьма большие владения.

Сохранившееся завещание С.А. Лаппо-Данилевского 1898 г. (позже, видимо, не раз отмененное) дает нам неплохой, хотя и довольно общий обзор собственности и того, как ее предполагалось распределить¹⁴⁴. Основные земельные владения должны были отойти сыновьям, причем была оговорена выплата долгов, лежавших на них: «старшему Александру Сергеевичу Лаппо-Данилевскому – села Удачного и Ивановку на реке Базавлуке со всей к ним принадлежащей землей, в количестве около двух тысяч семи десятин, и младшему, Сергею Сергеевичу Лаппо-Данилевскому село Райполе на реке Саксагани, со всей принадлежащей к нему землей в количестве около двух тысяч семидесяти шести десятин. И тому и другому оба имения должны перейти каждое в отдельности по отношению к недвижимости, в том виде, как оне останутся после моей кончины, со всеми находящимися на них постройками, садами, устройствами и угодьями»¹⁴⁵. Движимое имущество обоих имений (племенная овчарня, овцы, конный завод, скот, рабочие лошади, сельскохозяйственные машины, хлеб в зерне и проч.) предполагалось разделить между сыновьями «совершенно поровну».

Пункт второй позволяет заглянуть внутрь хозяйского дома Удачного, любимой резиденции С.А. Лаппо-Данилевского, которую он благоустроивал с начала 1860-х гг. Сюда, по видимому, перекочевали и многие семейные реликвии после продажи Гуляй-Поля: «Домашняя обстановка, какая будет находиться в доме моем села Удачного, в день моей смерти, как-то: картины, портреты, мраморные статуи, бронза и все мелкие вещи, мебель, посуда, фарфор, серебро и вся прочая домашняя утварь без исключения должна перейти сыну моему Александру; вся же обстановка дома села Райполя и все, что в нем находится – сыну моему Сергею тоже все без исключения»¹⁴⁶.

Для обеспечения дочерей была выработана следующая схема: незадолго до составления завещания С.А. Лаппо-Данилевский продал своим дочерям «участки земли» (площадь их не указана), под залог которых у него же они получили определенные суммы. Сделано это было, видимо, для того, чтобы воспрепятствовать поспешной продаже. В случае смерти отца, долги дочерям прощались, а земля окончательно переходила в их собственность. Рассроченные выплаты от И.А. Шуйского также должны были поступать дочерям.

Все капиталы «в билетах, акциях и других бумагах» С.А. Лаппо-Данилевский завещал жене Наталии Федоровне; кроме того, дети должны были ей выплачивать в начале каждого года «по день ее смерти»: сыновья – по одной тысяче двести пятьдесят рублей каждый; дочери – по пятьсот рублей каждая. Завещание С.А. Лаппо-Данилевского, по сравнению с завещанием его отца 1871 г. (см. выше), не столь подробно, в нем не чувствуется религиозно окрашенного пафоса служения близким, хотя забота о них очевидна.

Позднейшая отмена этого завещания, замена его другим, думается, была вызвана приобретением дома и участка в Ялте, здесь прошли последние годы жизни С.А. Лаппо-Данилевского, после его смерти в 1911 г. участок перешел к его вдове, а после ее кончины – окончательно к детям. Именно по документам о перераспределении между ними права собственности над этим участком, можно составить о нем некоторое представление (сестры, очевидно, предпочли денежные выплаты и уступили за них участок братьям – А.С. и С.С. Лаппо-Данилевским). Участок находился «в городе Ялте, по Садовой улице, в Общинному переулку и Нагорному проспекту» и представлял собой «дворовое место с постройками, мерою около 678 кв. саж[ен]»¹⁴⁷.

Последнее по времени свидетельство об имениях С.А. Лаппо-Данилевского накануне его смерти донес до нас В.П. Тянь-Шанский, добавивший ряд ярких черт к нашим знаниям о двух главных усадьбах, которых лишены скупые упоминания в завещаниях и деловых документах. Революция 1905–1907 гг. пощадила их¹⁴⁸; уже после 1917 г. эти поместья подверглись безжалостному разграблению: «Следующая станция описываемой ветви – платформа *Петриково (Рядовая)* – в 7 в. за Антоновкой. Верстах в 10 к востоку от станции лежит при р. *Саксагани с. Сергеевка* с населением около 1200 душ, а верстами тремя выше по той же реке – имение *Рай-Поле* С.А. Лаппо-Данилевского площадью свыше 3700 десятин, из которых до 3 тыс. сдаются в долгосрочную аренду. В имении заслуживает внимания племенная овчарня (чистокровные овцы рамбулье камвольного типа и чистокровные инфантадо штофиольного типа). Полевое хозяйство ведется по залежному севообороту с преобладающим посевом яровой пшеницы. Производится искусственное лесонасаждение»¹⁴⁹.

«От станции Милорадовки к в.-ю.-в. верстах в 12 при р. *Базавлуке* расположено еще имение С.А. Лаппо-Данилевского *Удачное* при селении того же имени. Земли в имении более 2 тыс. десятин. Система полевого земледелия – залежная. Имеется завод кровных орловских рысаков¹⁵⁰. В имении разбит прекрасный парк на площади до 17 десятин, в котором насчитывается до 200 различных сортов деревьев и кустарников; особенное внимание обращено на разведение таврической сосны, являющейся весьма ценной породой для засушливых местностей. Имеются также молодые фруктовые сады; практикуется лесоразведение»¹⁵¹.

Теперь, после того как довольно подробно представлена екатеринославская ветвь рода Лаппо-Данилевских, хотелось бы обратиться к исконной, полтавской, продолжив роспись с четвертого колена. То, что между единокровными братьями Александром и Георгием (Егором) Львовичами был большой возрастной разрыв, привело к тому, что между их детьми он составил разницу почти в двадцать лет.

IV.

Из дел о подтверждении дворянства 1838 г. выясняется, что у Георгия

(Егора) Львовича Лаппо-Данилевского в первом браке с Василисой Федоровной Галенковской родились сыновья **Лев** и **Василий**, а также дочь **Мария**.

Лев Георгиевич (Егорович) Лаппо-Данилевский (19.10.1820¹⁵² – ?) кратко упомянут накануне реформы 1861 г. в числе помещиков средней и большой состоятельности – он был владельцем местечка Шишака и хутора Купчино в Миргородском уезде Полтавской губернии (148 крестьян; дворовых не имел)¹⁵³. В перечне дворянских родов Полтавской губернии на 1851 г. упомянуты его жена и двое детей¹⁵⁴.

Василий Георгиевич (Егорович) Лаппо-Данилевский (18.04.1822¹⁵⁵–16.09.1860¹⁵⁶) начал военную службу 19 февраля 1839 г. в Казанском егерском полку унтер-офицером; завершил ее 26 января 1849 г. в чине штабс-капитана. 3 ноября 1851 г. зачислен в штат Нижегородской казенной палаты; 26 июля 1852 г. переведен в Нижегородскую строительную дорожную комиссию помощником правителя канцелярии; с 14 августа 1855 г. – правитель канцелярии и дел общего присутствия этой комиссии. 7 мая 1853 г. произведен в коллежские секретари; 9 декабря 1856 г. – в титулярные советники. Ранняя смерть оборвала эту вполне благополучно складывавшуюся карьеру¹⁵⁷. Женат Василий Георгиевич был на Анне Сергеевне Гроздовской, от которой имел трех детей.

Во втором браке Георгия Львовича Лаппо-Данилевского с Марией Семеновной Данилевской родились сын **Николай** и дочь **Татьяна**.

Николай Георгиевич (Егорович) Лаппо-Данилевский (1835–1894)¹⁵⁸ был женат на Анне Алексеевне Малинко, в этом браке родился сын Георгий, в метрической Выписке о рождении которого (оригинал в семейном архиве) находим следующие данные о его отце: «бригадир-ремонтёр запасных эскадронов полков 3-го драгунского Новороссийского его императорского высочества великого князя Владимира Александровича и 4-го гусарского Мариупольского его высочества ландграфа Фридриха Гессенского, подполковник Николай Георгиев Лаппо-Данилевский». Николай Егорович дослужился до чина полковника. В его обязанности входили закупки лошадей (ремонт), в связи с чем им был создан конный завод в собственном имении Шафоростовке Миргородского уезда Полтавской губернии, действовавший и позднее, после его смерти¹⁵⁹. Полковница **Анна Алексеевна Лаппо-Данилевская**, судя по адресным книгам, проживала в Петербурге с начала 1900-х гг.¹⁶⁰ В последний раз она фигурирует в 1923 г. в справочной книге Петрограда¹⁶¹.

V.

Если о **Николае Львовиче Лаппо-Данилевском**,

сыне Льва Георгиевича (Егоровича), ничего не известно, то сестра его **Мария Львовна Лаппо-Данилевская** (сентябрь 1866 – 16.09.1956, Ленинград)¹⁶² добилась определенной известности в качестве драматической актрисы¹⁶³. За время своей длительной карьеры она выступала на театральных сценах в столицах, а также в Риге, Вильносе, Симферополе¹⁶⁴, Воронеже, Астрахани, Смоленске, Ташкенте и др. городах. В ее репертуаре были роли из пьес Грибоедова, Гоголя, Ибсена, Островского, Шиллера, Г. Зудермана и многих др.¹⁶⁵ 16 сентября 1946 г. она переехала в Дом ветеранов сцены им. М. Г. Савиной на Петровском острове в Ленинграде, где прошли ее последние дни.

У Василия Георгиевича (Егоровича) Лаппо-Данилевского было трое детей: дочери **Елизавета** (2.04.1852 – ?) и **Зинаида** (5.10.1855 – ?), а также сын **Лев** (22.10.1856 – ?)¹⁶⁶. О судьбе лишь первой из них, Елизаветы, удалось разыскать некоторые сведения: как сирота из малообеспеченной семьи она была

М.Л. Лаппо-Данилевская в роли Хлэстовой (1930-е)

Г.Н. Лаппо-Данилевский (1910-е)

Е.П. Лаппо-Данилевская (1910-е)

принята в 1864 г. в число воспитанниц Александровского института в Петербурге, который окончила в мае 1871 г.¹⁶⁷

У Николая Георгиевича (Егоровича) Лаппо-Данилевского был лишь один сын – **Георгий Николаевич Лаппо-Данилевский** (26.04.1880, Сорочинцы – 15.08.1922, Тулон, Франция)¹⁶⁸. В 1899 г. он окончил курс гимназического отделения императорского Лицея в память цесаревича Николая в Москве, по окончании которого поступил на юридический факультет Московского университета. Окончив два курса, он в связи с переездом его матери в Петербург перевелся в Петербургский университет, в который был принят в октябре 1901 г. В 1905 г. Георгий Николаевич окончил университет с дипломом второй степени¹⁶⁹. С 23 сентября 1906 г. он состоял помощником присяжного поверенного М.П. Демерцова; осенью того же года он обратился в Санкт-Петербургский мировой съезд о выдаче ему «свидетельства на право хождения по чужим делам»¹⁷⁰. Через несколько лет Георгий Николаевич покинул столицу¹⁷¹; позднее он служил по дворянским выборам в Полтавской губернии¹⁷².

8 декабря 1901 г., вскоре после перевода в Петербургский университет, Георгий Николаевич обратился к ректору этого учебного заведения с просьбой разрешить ему «вступить в законный брак с дочерью статского советника Павла Феодоровича Почтарева Екатериной Павловной», что вскоре и произошло. Его жена **Екатерина Павловна Лаппо-Данилевская** (урожд. Почтарева) готовила себя в 1900-е гг. к оперной карьере. Ее педагог, известный певец Ипполит Петрович Прянишников, рекомендовал свою ученицу Императорским театрам следующей запиской:

«Екатерина Павловна Лаппо-Данилевская обладает прелестным колоратурным сопрано исключительной красоты и гибкости. Она занималась со мною в течение нескольких лет, вполне закончила обработку своего голоса и прошла под моим руководством все главные партии колоратурного репертуара, так что вполне может с успехом начать оперную карьеру.

Нельзя не одобрить решение г-жи Лаппо-Данилевской ехать в Париж еще совершенствоваться под руководством Маркози и начать сценическую карьеру за границей, где ее голосу открывается больший простор и где, при удаче, ее может ожидать всемирная известность.

Бывший артист Императорских театров И. Прянишников
С.-Петербург. 16 октября 1907 года»¹⁷³.

В 1909 г. Екатерина Павловна выступала на сцене Большого театра в Москве, в том числе в ариях Антонида («Жизнь за царя»

М. Глинки), Прилепы («Пиковая дама» П. Чайковского), Панночки («Майская ночь» Н. Римского-Корсакова); Микаэлы («Кармен» Ж. Бизе)¹⁷⁴. Однако эта успешно начатая сценическая карьера расстроилась из-за болезни легких. 10 декабря 1910 г. ее контракт с Большим театром был расторгнут без обоюдных претензий¹⁷⁵. После октябрьского переворота Георгий Николаевич с сыном и дочерью эмигрировал из Киева во Францию (его брак с Екатериной Павловной распался в 1910-е гг.).

VI.

О детях Георгия Николаевича **Николае Георгиевиче Лаппо-Данилевском** (9/22.10.1902, С.-Петербург – 14.01.1986, Сент-Женевьев близ Парижа, Франция) и **Галине Георгиевне Лаппо-Данилевской** (30.11/13.12.1904, Киев – 17.11.1989, Париж, Франция) стоит немного рассказать. Николай Георгиевич обучался сначала в Миргороде, затем в Феодосии. В августе 1919 г. ему было выдано свидетельство об

окончании шестого класса Феодосийской мужской гимназии. Затем с отцом, мачехой и сестрой он эмигрировал во Францию. Из-за ранней смерти отца брата и сестру приютила французская семья, однако они сохранили язык и связь с русской эмиграцией, были причастны к ее культурной жизни. В годы Второй мировой войны Николай Георгиевич сражался против нацизма в рядах Иностранного легиона; затем банковский служащий. Галина Георгиевна за причастность к Сопротивлению была арестована и 29 августа 1943 г. депортирована в концлагерь Равенсбрюк, где провела более двух лет¹⁷⁶. У ее племянниц, дочерей Николая Георгиевича, хранятся сертификаты благодарности от имени правительства Соединенных Штатов (подпись: генерал Д.Д. Эйзенхауэр) и Британского содружества наций (подпись: генерал маршал Артур Теддер) за помощь, оказанную Галиной Георгиевной в сокрытии военнослужащих их армий и позволившую им избежать плена.

Завершая обзор семейной истории рода Лаппо-Данилевских, следует признать, что помимо тех его представителей, что перечислены мною выше и чьи родственные отношения друг с другом ясны, есть еще ряд носителей фамилии, о происхождении которых от того или иного общего предка остается лишь гадать. Это касается в первую очередь полтавской ветви – более разветвленной и менее документированной. Приведу несколько примеров. О коллежском асессоре **Федоте (или Федоре) Дмитриевиче Лаппо-Данилевском**, заседателе Окружного суда в Пятигорске в 1835–1842 гг., уже упоминалось выше.

Г.Н. Лаппо-Данилевский (1930-е)

Г.Г. Лаппо-Данилевская (1930-е)

Накануне реформы 1861 г. сельцом Елизаветинским Купянского уезда Харьковской губернии (118 крестьян, 45 дворовых) владела **Мария Алексеевна Лаппо-Данилевская**¹⁷⁷. Из переписки с Людмилой Ивановной Осинюк, состоявшейся в 2007 г., я узнал о судьбе отчима ее матери – **Романа Петровича Лаппо-Данилевского** (1905–1941), родом с Полтавщины, ушедшего добровольцем на фронт и погибшего в лагере для военнопленных под Кременчугом. От его брака с Варварой Калениковной Даценко родились сын **Алексей Романович** (1940–1962; трагически погиб во время службы на флоте), дочери **Татьяна** (1939–1988; в замужестве Захарченко) и **Мария Романовны** (р. 1941; в замужестве Чугуй).

Подведем, наконец, некоторые итоги. Полтавский род Лаппо-Данилевский в середине XVIII в. – именно с этого времени о нем можно составить более или менее полное представление – принадлежал к казачьей старшине, из которой как раз тогда завершалось формирование привилегированного класса Малороссии. Представители рода не отличались большой состоятельностью, в связи с чем мы находим их и на военной службе, и в местном управлении порой в весьма малых чинах, несмотря на преклонный возраст. При этом им удаётся решить главный вопрос своего социального бытия – о причислении к дворянству Российской империи, что, укрепив имущественное положение семьи и открыв неплохие служебные перспективы, несло с собой неизбежную русификацию. Так, дети Льва Ивановича Лаппо-Данилевского, типичного представителя малороссийской старшины и руководителя традиционных украинских военных формирований, начинают свою службу уже как офицеры русской армии.

Возвышению екатеринославской ветви рода способствовала вовлеченность в бурные события второй половины XVIII столетия, причастность к присоединению обширных южных территорий к Российской империи, а также их освоению, вылившемуся в политику масштабных земельных раздач в Новороссии. В результате Лаппо-Данилевские оказываются связаны местом проживания, а затем и родственными узами с семьями самого различного происхождения, передававшими из поколения в поколение традиции воинского служения монархии, – Корбы, Манвеловы, Гангебловы, Чорбы, Чуйкевичи. При этом отмечу, родители А. С. Лаппо-Данилевского благодаря их образованности, кругозору и опыту столичной жизни по уровню культурных запросов значительно превосходили большинство своих соседей по имениям и родственникам.

Нависшее над семьей в конце 1870-х гг. разорение, повлекшее за собой вынужденный отказ отца от блестяще складывавшейся государственной карьеры, не только сплотило семью, в которой родился будущий историк, но и способствовало преодолению сословных стереотипов, что наиболее ярко проявилось в педагогической деятельности Н.Ф. Лаппо-Данилевской. Встав во главе Демферопольской женской гимназии, она и реализовала свое профессиональное призвание, и взяла на себя обязанности, не свойственные женщинам ее круга, а именно: укрепить собственным трудом материальное положение семьи. Эти драматические события пали на время юности и молодости А.С. Лаппо-Данилевского и, несомненно, сыграли важную роль при формировании его личности, побудив рано задуматься о своем месте в мире, о принципах жизнестроения, а также осознать необходимость последовательного интеллектуального труда и длительной работы над собой.

Накопленный культурный и образовательный багаж семьи по-разному реализовался в жизни детей Сергея Александровича и Натальи Федоровны, но общим был, пожалуй, наметившийся отрыв от землевладельческого и военного прошлого. Дарования и интересы влекли их в города, в которых они выросли и где чувствовали себя органично. Наиболее впечатляющим в этом поколении, но и во многом закономерным остается, конечно, скорое научное признание и стремительное вхождение А.С. Лаппо-Данилевского в среду столичной профессуры и академических ученых, выразившееся в том числе и в формировании нового родственного окружения. Его брак, а также браки его сыновей приводят к многообразным узам с семьями, проработавшими в XIX в. сходный путь развития, – это Бекаряковы, Гревсы, Зарудные, Гизетти, Эссены, Петровские. Большинство их представителей жило научными и творческими интересами и, несмотря на дворянское происхождение, ассоциировало себя в первую очередь с русской интеллигенцией, а не с привилегированным классом, мыслило общенациональными и общечеловеческими, а не сословными категориями. В то же время безвременная кончина А.С. Лаппо-Данилевского и полные трагизма судьбы его родственников – один из наглядных примеров нереализованности важнейших интенций русской культуры начала XX столетия, оборванности преемственности, восстановить которую более чем сложно, а порой и невозможно.

¹ Достаточно упомянуть заключительный фильм трилогии Г.М. Козинцева и Л.З. Трауберга о Максиме «Выборгская сторона» (1938); главный герой, посланный партией управлять банком, произнося гневную тираду о народных кровопийцах, упоминает наряду с другими и Лаппо-Данилевских. Надо сказать, что как раз к управлению финансами в Российской империи Лаппо-Данилевские никогда отношения не имели.

² Более того, вдова ученого явно считала нежелательным знакомство сторонних лиц с эпистолярием мужа и сына в полном объеме. Приведу лишь один пример: переписка А.С. Лаппо-Данилевского с женой и с М.С. Гревс дошла до нас лишь в выдержках, подготовленных Е.Д. Лаппо-Данилевской (СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 4 и 10; письма к жене из заграничных поездок опубликованы В.П. Корзун в кн.: Мир историка. XX век. М., 2002. С. 390–410). При всей важности этого источника, он, конечно, не может заменить утраченных оригиналов. То же можно сказать о тетрадке материалов к биографии И.А. Лаппо-Данилевского (опубликована В.П. Корзун с некоторыми сокращениями: Мир историка. Омск, 2008. Вып. 4. С. 468–499; Вып. 5. С. 316–353; также в кн.: Корзун В.П. Профессорская семья: отец и сын Лаппо-Данилевские. СПб., 2011. С. 124–188). Руководствуясь наилучшими побуждениями, вдова ученого сохранила для нас ряд важнейших черт мужа и сына, одновременно многое утаив. Она несомненно способствовала их идеализации, произведя отбор писем и отрывков и в то же время создав их политически нейтральные, удобоприемлемые для советской власти портреты.

³ Данные о ее смерти в феврале 1942 г., последнем месте проживания (6-я линия Васильевского острова, д. 5/5, кв. 4) и захоронении на Смоленском кладбище см.: Блокада. 1941–1944. Ленинград. Книга памяти. СПб., 2005. Т. 17. С. 387.

⁴ В связи с этим весьма характерен интерес А.С. Лаппо-Данилевского к прошлому Малороссии и ее многообразным связям с Великороссией, проявившийся уже в гимназических сочинениях (см.: СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 25–27 об.) и нашедший отражение в его позднейших научных трудах.

⁵ Отмечу, что первая часть фамилии писалась вплоть до начала XX в. самым различным образом – Лапа, Лаппа, Лапо, Лаппо. Нередкая в польско-литовских землях практика присоединения к основной фамилии фамилии спереди названия элементов герба в данном случае места не имела. В гербе Лаппо-Данилевских ничего похожего на руки или лапы не имеется.

⁶ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1896. Т. XVII, полутом 33: Култагой–Лёд. С. 364.

⁷ РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Ед. хр. 594. Л. 10–10 об. Ср.: Там же. Л. 15, 19.

⁸ Возможно, последний из них по данным месяцесловов на 1795 и 1796 гг. фигурирует в скромном чине титулярного советника как заседатель Нижнего земского суда в Миргороде.

⁹ РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Ед. хр. 592. Л. 49 об. См. примеч. 15.

¹⁰ Данные картотеки Б.Л. Модзалевского в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН; здесь же указана его жена П.В. Лапа-Данилевская (см. ниже).

¹¹ РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Ед. хр. 592. Л. 15–15 об. (копия 1830 года); Там же. Ед. хр. 594. Л. 10–10 об. (копия 1838 г.).

¹² Копии с этого документа и копии с копий с него сохранились в делах о дворянстве и полтавской, и екатеринославской ветви Лаппо-Данилевских: РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Ед. хр. 592. Л. 5 об.–7 (копия 1830 г.); Там же. Л. 45–46 (копия 1872 г.). Там же. Ед. хр. 594. Л. 6–6 об. (копия 1838 г.).

¹³ РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Ед. хр. 592. Л. 7 об.–8 (копия 1830 г.); Там же. Л. 47–47 об. (копия 1872 г.); Там же. Ед. хр. 594. Л. 8 (копия 1838 г.).

¹⁴ РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Ед. хр. 592. Л. 8 об.–9 (копия 1830 г.); Там же. Л. 48–48 об. (копия 1872 г.); Там же. Ед. хр. 594. Л. 9–9 об. (копия 1838 г.).

¹⁵ В ответе Полтавской духовной консистории от 17 сентября 1848 г. № 8643 на запрос Екатеринославского дворянского депутатского собрания от 31 июля 1845 г. о дате рождения Александра Львовича Лаппо-Данилевского читаем: «по исповедным росписям за нижеследующие годы написано так: 1770. полковый комиссар Лев Данилевский 30, вдов; 1771. полковый комиссар Лев Данилевский 31, жена его София 21; 1772. полковый комиссар Лев Данилевский 32, жена его София 22, сын их Александр одного года и 1773. полковый комиссар Лев Данилевский 33, жена его София 23, сын их Александр трех лет. (РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Ед. хр. 592. Л. 49 об.).

¹⁶ Копии 1784 г. с владельческих документов на эти имения («высочайшие грамоты великого государя Иоанна Алексеевича и универсалы гетманов Мазепы и Скоропадского», данные Лесницким в конце XVII и в начале XVIII столетия) см.: РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Ед. хр. 592. Л. 9 об.–14 об. Также о получении Лесницкими земельных наделов: *Лазаревский А.М.* Люди старой Малороссии: Лесницкие // Киевская старина. 1886. № 7. С. 452–455.

¹⁷ *Модзалевский В.Л.* Малороссийский родословник. Киев, 1912. Т. 3. С. 246.

¹⁸ Материалы заключительного эпизода этой тяжбы сохранились в делах Сената: Документы о помещичьем землевладении и крестьянах Полтавской губернии // РГИА. Ф. 1400. Оп. 2. Ед. хр. 159. Л. 34–42 об.

¹⁹ Данное распределение детей по бракам во многом предположительно, в документах содержится лишь указание на рождение Александра Львовича от Лесницкой. В то же время овдовевшая П.В. Лаппо-Данилевская после смерти мужа имела десять детей, оставшихся на ее попечении, как явствует из письма ее ходатая Р.Т. Сладковского П.В. Лопухину от 28 мая 1807 г.: «... всенижайшее прошу <...> защитить оставшуюся Лапы Данилевского во вдовстве жену и десятерых сирот, томимых господином Лесницким, чрез двадцать лет волокитою и изурнанным разорением по судам безвинно» (Там же. Л. 37 об.).

²⁰ Так, в числе офицеров «Малороссийского гренадерского полка», принимавших участие в Отечественной войне 1812 г., указаны: «Лаппо-Данилевский Иван Львович, прапорщик Малороссийского гренадерского полка, и Лаппо-Данилевский Василий Львович, портупей-прапорщик Малороссийского гренадерского полка. 29.11.1812 за отличие произведен в прапорщики» (Информационный ресурс по офицерам Российской Императорской армии Эпохи Отечественной войны 1812 года // URL: <http://officers.wardoc.ru/officers.php?id=20>; последнее обращение 12.12.2013). О дальнейшей судьбе лишь одного из братьев имеются следующие скудные сведения: по данным месяцесловов, в 1827–1828 гг. в Усть-Каменогорске состоял городничим подпоручик Иван Львович Лаппо-Данилевский (Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1827. СПб., [1826]. Ч. 2. С. 329; Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1828. СПб., [1827]. Ч. 2. С. 335).

²¹ Дата устанавливается по: РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Ед. хр. 592. Л. 49 об. См. примеч. 15.

²² См. ниже прим. 26.

²³ См. копии с «Формулярного списка о службе и достоинстве секунд-майора Александра Львова Лаппо-Данилевского» (1798): РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Ед. хр. 592. Л. 16, 51.

²⁴ *Макидонов А.В.* Персональный состав административного аппарата Новороссии XVIII века. Запорожье, 2011. С. 119.

²⁵ Первый документ касается устранения злоупотреблений при торговле мясом, второй связан с рапортом А.Л. Лаппо-Данилевского о подчинении ему новокайдакской полиции (*Владимиров М.М.* Первое столетие города Екатеринослава. Екатеринослав, 1887. С. 121–122, 129). В 1800-е гг. он поставлял зерно колонистам-меннонтам в поселениях Хортица, Розенталя, Нейендорф, Кронсвейде, Нейендорф, Эйнлаге, Шенгорст (на Хортицком острове), Йозефсталь, Ямбург (Попечительный Комитет об иностранных поселенцах Южного края России. 1799–1876 гг.: Аннотированная опись дел 1799–1818 гг. Ред. О.В. Коновалова. Одесса, 1998. Т. 1. С. 37–38).

²⁶ Так, его вдове Софье Ивановне 9 июня 1818 г. была вручена бронзовая медаль в честь окончания войны с Наполеоном, предназначавшаяся Александру Львовичу (СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 1).

²⁷ О его награждении 8 июня 1787 г. орденом Св. Владимира 2-й степени во время путешествия Екатерины II в Новороссию и Крым см.: [*Храповицкий А.В.*] Журнал высочайшего путешествия Ея Величества государыни императрицы Екатерины II, самодержицы всероссийской, в полуденные страны России в 1787 году. М., 1787. С. 94; Журнал высочайшему ее императорского величества путешествию, из Санкт-Петербурга в Киев, из Киева через Кременчуг в Херсон и старый Крым, а оттуда через Полтаву, Харьков, Белгород, Курск, Орел и Тулу в Москву, и из Москвы в Санкт-Петербург, продолжавшемуся 1787 года января со 2, июля по 12 число // Записки Одесского Общества истории и древностей. Одесса, 1853. Т. 3. С. 288.

²⁸ *Макидонов А.В.* Персональный состав административного аппарата Новороссии XVIII века. Запорожье, 2011. С. 112–113.

²⁹ Об истории храма см. подробнее: Материалы для историко-статистического описания Екатеринославской епархии: Церкви и приходы прошлого XVIII столетия. Екатеринослав, 1880. Вып. I. С. 253–256.

³⁰ Годы жизни и ряд биографических данных Г.Л. Лаппо-Данилевского указаны на основании его прошения о подтверждении дворянского достоинства, рассмотренного Полтавским дворянским собранием 28 ноября 1838 г. К этому моменту за ним по последней к тому моменту ревизии 1835 г. состояло «Миргородского уезда при местечке Шишаке всего мужеска 131 и женска пола 148 душ» (РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Ед. хр. 594. Л. 4 об.). Скончался он до 1851 г., ибо в перечне представителей семьи за февраль этого года он уже не числится (Список дворян, внесенных в дворянскую родословную книгу Полтавской губернии. Полтава, 1898. С. 653).

³¹ Институт рукописей Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. Шифр: III, 11411.

³² О весьма насыщенной боевой биографии дает представление свидетельское о службе Г.Л. Лаппо-Данилевского, составленное 31 декабря 1837 г. на основании его более раннего формулярного списка: «Объявитель сего, господин прапорщик Егор Львов сын Лаппа Данилевский, который, как значится по формулярному списку, от роду имеет сорок восемь лет, какого же вероисповедания из формуляра не видно. В службу вступил юнкером 1806 июня 15 в Переяславский Конноегерский полк; фанен юнкером 810 мая 12; произведен в прапорщики восьмьсот двенадцатого генваря первого. В походах и сражениях был: 1806 декабря 1го за границую Порты Оттоманской в Бессарабии 9го при занятии крепости Килии; 807 генваря 29го при д. Курманкуй в действительном сражении, майя 3го при блокаде кр. Измаила, октября с 29 в Молдавии; 808 октября с 1го в Бессарабии; ноябрь с 26 обратно в Молдавии; 809го июля 27 за Дунаем, при занятии крепостей Исакичи и Тулчи, первой июля 31, второй августа 2го, где находился по 5^е число того ж месяца, а с того числа в Булгарии и на передовых постах в М. Молдавии и за Траянским валом, октября с 19 по 23 число того ж месяца, а с 22 ноября обратно в М. Молдавии; 810 апреля с 12 в Валахии, мая 18 при переправе за Дунай, 19 при покорении Туртукая, июля 13го при рекогносцировании кр. Руцук, 14 при обложении и 15 при вылазках, сделанных из оной от неприятеля, в действительных сражениях июля 6 и 22 при штурме крепости Руцук, августа с 14 сентября по 16^е при обложении кр. Журжи, а с 16 по 28 обратно

при кр. Рущук и допокорении оной, 28 в Валахии, октября 2 при осаде кр. Тупно, 5 при обложении, 10 при занятии оной, 16го при занятии кр. Никополя, ноября с 4го в Валахии; 811 июля 22го при подступлении к кр. Видину, сентября 7 при Калофате в сражениях, где за оказанное им отличие получил высочайшее благоволение, а с 27го числа того же месяца обратно в Валахии; 812 августа по 29 и с того же числа в Российских пределах; 815го июля с 2го за границу в Царстве Польском чрез Варшаву в Слезии и обратно в свои пределы сентября 17 числа. Имеет знак отличия Военного ордена под № 19713. Российской грамоте читать и писать умеет. В домовых отпусках и в штрафах по суду и без суда не бывал.

Холост. Состоял в комплекте, к повышению чином аттестовался достойным. А 1818го года, состоя во 2^й Конноегерской дивизии по высочайшему его императорского величества приказу в 12^й день мая состоявшемуся за болезнь уволен от службы тем же чином» (РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Ед. хр. 594. Л. 11–12 об.).

³³ Он был женат на Ульяне Григорьевне Похвисневой, судя по всему, родной сестре Анастасии Григорьевны Похвисневой, в замужестве Чуйкевич, бабушки А.С. Лаппо-Данилевского со стороны матери (см. ниже).

³⁴ *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений. М.; Л., 1940. Т. 10: Письма: 1820–1835. С. 213.

³⁵ Там же. С. 267, 272.

³⁶ Родословная книга Полтавской губернии дворянских родов. Часть 1. Составлена из определений Полтавского дворянского собрания, состоявшихся с 1802 по 1840 год // РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Ед. хр. 442. Л. 151 об.

³⁷ Дата устанавливается по Отношению Екатеринославской духовной консистории № 4123 от 9 сентября 1847 г. в Екатеринославское депутатское собрание по поводу запроса о дате и законности рождения А.А. Лаппо-Данилевского: РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Ед. хр. 592. Л. 52. Восприемниками при его рождении были: коллежский ассессор Петр Мусман и статская советница Екатерина Шляхтина.

³⁸ Дата смерти устанавливается по его завещанию: СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 3 (подробнее об этом документе см. ниже).

³⁹ Поручик артиллерии Лев Александрович Лаппо-Данилевский упомянут как восприемник при крещении его племянника Федора 28 января 1839 г. (РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Ед. хр. 592. Л. 23–23 об.). В том же году он фигурирует как попечитель хлебных запасных магазинов третьего округа Верхнеднепровского уезда (Месяцеслов и Общий штат Российской империи на 1839 год СПб., [1839]. Ч. 2. С. 178). Судя по всему, именно он был погребен в фамильной усыпальнице Лаппо-Данилевских в Гуляй-Поле (Русский провинциальный некрополь. Картоoteca Н.П. Чулкова из собрания Государственного литературного музея // Река времен. М., 1996. Кн. 4. С. 237).

⁴⁰ *Владимиров М. М.* Первое столетие города Екатеринослава. Екатеринослав, 1887. С. 187.

⁴¹ См. его формулярные списки: 1) от 8 сентября 1822 г. (РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Ед. хр. 592. Л. 18–19); 2) от 12 июля 1841 г. (РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Ед. хр. 1239. Л. 34–35 об.); 3) от 11 апреля 1850 г. (РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Ед. хр. 592. Л. 54 об.–55). В списке 1822 г. содержится лишь краткое указание: «за матерью состоит 441 душ крестьян». В списке 1841 г. указаны следующие владения: родовое – «Верхнеднепровского уезда в селе Гуляйполе мужского пола 95 душ»; благоприобретенное – «того ж уезда при с. Гуляйполе 15 и с. Мироном 2 души»; за женой лишь родовое имение: «в том же уезде 31 и Херсонской губернии в Александрийском уезде 10 душ». В списке 1850 г. читаем: родовое – «Верхнеднепровского уезда в селе Гуляй Поле, крестьян мужеска пола 96 душ и земли удобной 3852 десятины»; благоприобретенное – «того же уезда крестьян мужеска пола 131 душа и земли удобной 4078 десят[ин], да в Александровском уезде земли удобной 20 десятин»; за женой: родовое – «в том же уезде крестьян мужеска пола 32 души, да Херсонской губернии в Александрийском уезде 10 душ мужеска пола и земли 738 десятин»; благоприобретенное – «в Верхнеднепровском уезде земли удобной 1 035 десятин». Ср. примеч. 77.

⁴² Факт упомянут в статье М. Чабана «Голос широких степей. История Гуляйполя на Днепропетровщине» в киевской газете «День» (2010. 29 января. № 14; URL: <http://www.day.kiev.ua/ru/article/ukraina-incognita/golos-shirokih-stepy>; на украинском языке: URL: <http://www.day.kiev.ua/uk/article/ukrayina-incognita/golos-shirokih-stepiv>).

⁴³ История городов и сел Украинской ССР: В 26 т. Киев, 1977. Т. «Днепропетровская область». С. 719; Ср.: *Шатров М.* Город на трех холмах: Книга о старом Екатеринославе. Днепропетровск, 1966. С. 90.

⁴⁴ Даты жизни ее можно указать лишь весьма приблизительно: родилась она, по-видимому, в начале 1810-х гг. Скончалась в Одессе в 1880-х, где была захоронена первоначально «в склепе генерал-майора Картавцева» на городском кладбище, откуда прах ее был перенесен в 1890 г. в семейную усыпальницу в Гуляй-Поле (СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 18).

⁴⁵ О месте его захоронения см.: Русский провинциальный некрополь. Картоoteca Н.П. Чулкова из собрания Государственного литературного музея // Река времен. М., 1996. Кн. 4. С. 77. См. также страничку в интернете, посвященную Гангебловым: URL: <http://baza.vgdru.com/1/56843/>; последнее обращение 12.12.2013.

⁴⁶ См. о нем подробнее: Русский биографический словарь. М., 1914. Т. 4: Гааг–Гербель. С. 210–211.

⁴⁷ *Глинка В.М., Помарнацкий А.В.* Военная галерея Зимнего дворца. Л., 1974. С. 168; Государственный Эрмитаж. Западноевропейская живопись. Каталог / Под ред. В.Ф. Левинсона-Лессинга; ред. А.Е. Кроль, К.М. Семенова. 2-е изд., перераб. и доп. Л., 1981. Т. 2. С. 252, кат. № 7920.

⁴⁸ Русский биографический словарь. М., 1914. Т. 4: Гааг–Гербель. С. 208–209. Декабристы. Биографический справочник. М., 1988. С. 50.

⁴⁹ В мемуарах декабриста А.П. Беляева читаем о последних днях 1826 г., проведенных в заключении в Петропавловской крепости: «Часто приносили нам книги. Мы прочли многие романы Вальтер-Скотта и Купера по-французски. От души смеялись над проделками Жильблаза, которого герои были нарисованы одним из товарищей в этой куртине измайловским офицером Гандебловым (sic!), с которым мы были знакомы еще прежде» (*Беляев А.П.* Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом СПб., 1882. Ч. I. С. 201)

⁵⁰ Воспоминания А.С. Гангеблова // Русский архив. 1886. № 10. С. 181–268.

⁵¹ Воспоминания декабриста А.С. Гангеблова. М., 1888.

⁵² Там же. С. 232–242.

⁵³ О переселении в XVIII столетии в Россию сербов, многие из которых потом получили поместья в Славяносербском уезде (по позднему административному делению в Екатеринославской губернии), см. подробнее: *Полов Н. А.* Военные поселения сербов в Австрии и России // Вестник Европы. 1870. Кн. 6. С. 584–614. В этой работе не раз упомянуты представители клана Чорб, с которым породнились Манвеловы, Гангебловы и Лаппо-Данилевские.

⁵⁴ Похода Гангеблов упоминает и своего зятя, А.А. Лаппо-Данилевского, утверждая, что дед его был тоже из сербов. При этом он называет Федора Михайловича Корбе также Чорбой и сообщает явно завышенные сведения об имении Гуляй-Поле – 24 000 десятин. Подобная идентификация вряд ли верна, ибо представители рода Корбе упоминаются в украинских документах задолго до переселения Чорб в Российскую империю в середине XVIII столетия.

⁵⁵ Сайт, посвященный грузинскому дворянству, сообщает, к сожалению, без указания источников, следующую, весьма правдоподобную информацию о князе Спиридоне Николаевиче Манвелове (р. 1748) – «секунд-майор, кавалер орденов Св. Георгия 4-й ст. (1779) и Св. Владимира 4-й ст. (1805); затем коллежский советник. Был городничим в Чигирине. Женат на Софии Федоровне Чорба, дочери генерал-поручика Фёдора Арсеньевича Чорбы». URL: <http://nobility.pro/ru/statya/211-manvelov-spiridon-nikolaevich>; последнее обращение 12.12.2013.

⁵⁶ Городничий Чигирин С. Н. Манвелов вышел в отставку в 1812 г. в чине коллежского советника, как выясняется из его прошения о назначении пансиона от 27 января 1815 г. (РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. Ед. хр. 39-1815. Л. 1–2).

⁵⁷ См., например, его восторженную характеристику в связи с празднованиями столетия Екатеринослава: Екатеринославский юбилейный листок. 1887. 9 мая. № 17. С. 157.

⁵⁸ СФФ АРАН. Ф. 113. Оп. 2. Ед. хр. 30. Л. 3–16.

⁵⁹ Там же. Л. 5 об.

⁶⁰ Там же. Л. 14 об.–15.

⁶¹ Там же. Л. 15–15 об.

⁶² Там же. Л. 15 об.–16.

⁶³ Русский провинциальный некрополь. Картотека Н.П. Чулкова. С. 251. Годы жизни на могиле указаны не были, они почерпнуты из «Лермонтовской энциклопедии» (1981). Ср.: *Гогитидзе М.* Грузинский генералитет (1699–1921). Киев, 2001. С. 110.

⁶⁴ Литературное наследство. М., 1948. Т. 45/46. С. 154. Укажу попутно, что к судьбе Лермонтова оказался причастен коллежский асессор Федот (или Федор) Дмитриевич Лаппо-Данилевский, заседатель Окружного суда в Пятигорске, участвовавший в составлении «Вопросов» к убийце поэта Н.С. Мартынову и суде над ним (М.Ю. Лермонтов: Статьи и материалы. М., 1939. С. 24, 57). Отношение этого Лаппо-Данилевского, именуемого в месяцесловах за эти годы то Федотом, то Федором, к основному родословному древу на данный момент уяснению не поддается.

⁶⁵ Весьма характерно письмо княжны Ольги Манвеловой (судя по всему, внучки Н.Н. Манвелова), обращенное к братьям А.С. и С.С. Лаппо-Данилевским (из Петербурга):

«Mes cher cousins.

Мы решили сегодня вечером ехать кататься на тройках, погода и путь отличные, и грех упустить такие хорошие условия. Не присоединитесь ли и вы к нам? Если Александр Сергеевич отнесется несочувственно к этому, то мы надеемся, что Сергей Сергеевич не откажется от этой поездки. Если ваш ответ окажется утвердительным, то мы заедем за вами по пути на острова между 9 ½. Если же в 10 ч. мы не приедем, непредвиденные обстоятельства помешали нам ехать. Не замедлите, пожалуйста, отвечать. Надеюсь, до завтра.

О. Манвелова».

(СФФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 441. Л. 1–1 об.)

Письмо написано, скорее всего, в одну из зим до 1891 г. включительно, ибо до лета этого года братья Лаппо-Данилевские снимали общую квартиру, пока А.С. Лаппо-Данилевский не женился. Дата венчания устанавливается по записи в его свидетельстве о явке к исполнению воинской повинности: «Означенный в сем свидетельстве состоящий в VI классе экстраординарный профессор Императорского С.-Петербургского Историко-филологического института Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский мною повенчан первым браком с девицею, дочерью умершего гвардии поручика Еленой Дмитриевною Бекарюковой, и брак их в метрической книге Преображенской церкви, слободы Ивановки Волчанского уезда Харьковской епархии 16 августа сего 1891 года под № 20-м записан, что подписом своим и приложением церковной печати удостоверяю. 16 августа 1891 года, слобода Ивановка.

Села Грачевны того же уезда священник Иоанн Николаев Васильев».

(СФФ АРАН. Ф. 4 (Комиссия АН, Канцелярия АН). Оп. 4. Ед. хр. 349. Л. 226–226 об.)

⁶⁶ *Лодыгин Н.Д.* Книга рысистых лошадей в России с определением чистопородности. М., 1875. Ч. VIII. С. 415. О конном заводе С.А. Лаппо-Данилевского в селе Удачном читаем: «Основан 1863 выделение части из завода покойного А.А. Лапа Данилевского, впоследствии разделившегося между П.А. и Ф.А. Лапа-Данилевскими» (Там же. С. 419). О конном заводе поручика Ф.А. Лаппо-Данилевского в селе Рай-Поле читаем: «Достался по наследству от отца поручика А.А. Лапа-Данилевского и после раздела с братом П.А. Лапа-Данилевским в ноябре 1866» (Там же. С. 423).

⁶⁷ РГИА. Ф. 560. Оп. 1. Ед. хр. 1496. Л. 20.

⁶⁸ При его крещении 6 декабря 1834 г. в Свято-Николаевской церкви в с. Гуляй-Поле, восприемниками стали майор Владимир Александрович Ставровский и майорша Анна Спиридонова Калачевская (РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Ед. хр. 592. Л. 20 об.–21 об.).

⁶⁹ Дата смерти С.А. Лаппо-Данилевского «от апоплексии мозга» указана в «Деле об утверждении в правах наследства Наталии Федоровны [Лаппо-]Данилевской» // (Государственный архив в Автономной Республике Крым (ГААРК). Ф. 376 (Симферопольский Окружной суд). Оп. 5. Ед. хр. 5957; здесь же на л. 8 отказ Наталии Федоровны от наследства без указаний в чью пользу).

⁷⁰ СФФ АРАН. Ф. 4 (Комиссия АН, Канцелярия АН). Оп. 4. Ед. хр. 349. Л. 228–236 («составлен по 17 июля 1882 года»; тот же список в деле об оставлении А.С. Лаппо-Данилевского при университете: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Ед. хр. 8801. Л. 2–6); Формулярный список конца 1860-х годов см.: РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Ед. хр. 592. Л. 64 об.–66. В обоих списках С.А. Лаппо-Данилевского содержатся следующие имущественные указания: «имение родовое: за ним в Верхнеднепровском уезде при с. Удачном 3 [тысячи] десятин»; имение приобретенное – в том же уезде при с. Ивановке 1500 десятин». В то же время отмечено, что за его женой «земли нет». Ср.: Сборник биографий кавалергардов 1724–1899. По случаю столетнего юбилея Кавалергардского ее величества государыни императрицы Марии Федоровны полка. Сост. под ред. С. Панчулидзева. СПб., 1908. Т. IV. С. 206.

⁷¹ Имя С.А. Лаппо-Данилевского в связи с его успехами в Школе было «записано на мраморную доску» (Сборник биографий кавалергардов 1724–1899. Т. IV. С. 206).

⁷² Екатеринославский юбилейный листок. 1887. 9 мая. № 15. С. 134–135.

⁷³ См. письмо представителей различных сословий Верхнеднепровска от 24 апреля 1867 года к С.А. Лаппо-Данилевскому с просьбой принять звание почетного гражданина города Верхнеднепровска (Ф. 113. Оп. 2. Ед. хр. 35. Л. 2–2 об.). Решение о присвоении ему этого звания см.: РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Ед. хр. 315. Л. 101.

⁷⁴ В память войны 1853–1856 г. С.А. Лаппо-Данилевскому была вручена бронзовая медаль на Андреевской ленте; 30 июня 1867 г. он был награжден орденом Св. Станислава 2-й степени с Императорскою короною; 30 августа 1876 г. – орденом Св. Владимира 3-й степени.

⁷⁵ В.П. Корзун по личному делу А.А. Лаппо-Данилевского в ЦГА СПб приводит следующие сведения о жаловании его отца: в 1909 г. – 3600 руб.; в 1914 г. – 5700 (*Корзун В.П.* Профессорская семья. С. 42). О жаловании А.С. Лаппо-Данилевского сохранились отметки и в его формулярном списке: накануне избрания в академики – 3000, затем 5700 руб. в год (СФФ АРАН. Ф. 4. Оп. 5. Ед. хр. 74. Л. 234 об.).

⁷⁶ Дата устанавливается по копии метрического свидетельства П.А. Лаппо-Данилевского; восприемниками при его крещении 4 июля 1837 г. в Свято-Николаевской церкви в с. Гуляй-Поле стали подполковник Николай Спиридонович Манвелов, и генерал-майорша Екатерина Спиридоновна Гангболова (РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Ед. хр. 592. Л. 21 об.–22 об.).

⁷⁷ См. его формулярный список 1860 г.: РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Ед. хр. 1239. Л. 38–39 об. В нем указано лишь имущество его отца: «за отцом его в Верхне-Днепровском уезде крестьян 232 души и земли 9573 [десятин]».

⁷⁸ Санкт-Петербургские ведомости. 1875. № 115. 29 апр. С. 4. Не обошлось и без судебного разбирательства в связи с наследством. В картотеке Б.Л. Модзалевского в Пушкинском Доме сохранилось следующее объявление 1876 года без указания газеты, в которой оно было помещено: «Могилевская соединенная палата уголовного и гражданского суда вызывает к суду наследников коллежского секретаря Петра Александровича Лаппо-Данилевского в срок, определенный 29, 30 и 31 §§ прил. ко 2 прим. 14 ст. Х т. 2 ч. Св. Зак. Гр. по прод. 1868 г., для представления против искового прошения Могилевского 1 гильдии купца Залмана Еселева Кагана».

⁷⁹ Санкт-Петербургские ведомости. 1875. 9 мая. № 125. С. 2; 10 мая. № 126. С. 3; 12 мая. № 128. С. 3.

⁸⁰ Московские ведомости. 1878. 19 авг. № 211. С. 3. Также: 1878. 21 авг. № 213. С. 4; 1878. 24 авг. № 216. С. 4.

- ⁸¹ В 1890 г. Д.В. Пчелкин «возобновил» конный завод в Гуляй-Поле, основанный А.А. Лаппо-Данилевским (Список частных конских заводов в России. СПб., 1904. С. 209).
- ⁸² Эта дата устанавливается по копии метрического свидетельства Ф.А. Лаппо-Данилевского; восприемниками при его крещении 28 января 1839 г. в Свято-Николаевской церкви в с. Гуляй-Поле стали поручик артиллерии Лев Александрович Лаппо-Данилевский и генерал-майорша Екатерина Спиридоновна Гангеблова (РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Ед. хр. 592. Л. 23 об.). В документах встречается также другая дата рождения – 5 января (Там же. Л. 23, 54).
- ⁸³ Можно заключить по завещанию С.А. Лаппо-Данилевского 1798 г. (см. ниже).
- ⁸⁴ Сборник биографий кавалергардов 1724–1899. По случаю столетнего юбилея Кавалергардского ее величества государыни императрицы Марии Федоровны полка. Сост. под ред. С. Панчулидзева. СПб., 1908. Т. IV. С. 206. По данным полкового архива указано, со всей очевидностью, на момент службы: «За родителями его состояло в Екатеринославской и Херсонской губ. 7 185 десятин» (Там же).
- ⁸⁵ Записки императорского Общества сельского хозяйства Южной России. 1883. Июнь. С. 293–304.
- ⁸⁶ См. вводный лист во владение Ф.А. Лаппо-Данилевского недвижимым имением при хуторе Успеновке Александрийского уезда Херсонской губернии (СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 2. Ед. хр. 39. Л. 25). В списках землевладельцев Александрийского уезда с 1892 по 1898 фигурирует «Данилевский-Лаппо Федор», гвардии поручик, владеющий 758 десятинами 1025 саженьями земли в Успенском Светлопольской волости (Список землевладельцев Александрийского уезда на 1892 год. [Александрия, 1892]. С. 13. № 191; Список землевладельцев Александрийского уезда на 1898 год. Александрия, 1898. С. 18. № 253). С.А. Лаппо-Данилевский, унаследовавший хутор, продал его новогеоргиевскому купцу И.А. Шуйскому в 1898 г. за сто тридцать тысяч триста пятьдесят рублей; при этом на покупщика был переведен «лежащий на продаваемом имении долг Земскому банку Херсонской губернии в сумме шестидесяти тысяч шестисот рублей» (СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 2. Ед. хр. 39. Л. 14).
- ⁸⁷ Сборник биографий кавалергардов 1724–1899. Т. IV. С. 206.
- ⁸⁸ ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Ед. хр. 3447. Л. 3.
- ⁸⁹ Модзалевский В.Л. Малороссийский родословник. Киев; СПб., 2004. Т. 5. Вып. 4. С. 47–60.
- ⁹⁰ Он был восприемником при крещении А.С. Лаппо-Данилевского в Свято-Николаевской церкви в Гуляй-Поле; см. прим. 113.
- ⁹¹ Формулярный список, доведенный до 5 февраля 1852 года, см. в личном деле его сына в фонде Училища правоведения: ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Ед. хр. 3447. Л. 2–7. Земельные владения Ф.М. Чуйкевича (только родовые) были довольно скромны, что побудило его просить определить сына поначалу на казенный кошт: «За ним Черниговской губернии Кролевецкого уезда 96 душ и Екатеринославской губернии Верхнеднепровского уезда 78 душ крестьян» (Там же. Л. 2 об.). За женой его не числилось ни родовых, ни благоприобретенных поместий.
- ⁹² Русский провинциальный некрополь. Картотека Н.П. Чулкова из собрания Государственного литературного музея // Река времен. М., 1996. Кн. 4. С. 237 (была погребена на Аутском кладбище).
- ⁹³ На открытках 1900–1910-х гг. (семейный архив) фигурирует следующий ялтинский адрес: «Аутская (или Аутинская) ул., № 36, дача Чуйкевичей».
- ⁹⁴ Речь идет о кн.: Müller F.M. Natürliche Religion. Leipzig, 1890.
- ⁹⁵ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 13–13 об.
- ⁹⁶ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 4. Л. 13 об.–14. Ср. анализ этих пассажей в письмах А.С. Лаппо-Данилевского в кн.: Корзун В.П. Профессорская семья. С. 66–70.
- ⁹⁷ Там же. Л. 21 об.–22.
- ⁹⁸ Новый мир. 1997. № 9. С. 146–147.
- ⁹⁹ Соловов пишет о вилле «Маруся» в Крыму: «...в ней было 23 комнаты, хороший сад и еще маленький садовый домик, в котором любили жить отец с матерью» (Новый мир. 1997. № 9. С. 148). Не названа ли дача так по имени младшей сестры А.Ф. Чуйкевича Марии? Не та ли это самая дача, на которой в 1890 году гостил и А.С. Лаппо-Данилевский?
- ¹⁰⁰ А.И. Маркевич инициировал заседание памяти А.С. Лаппо-Данилевского вскоре после его смерти в только что созданном Таврическом университете; доклады Грекова, Г. В. Вернадского и самого Маркевича, произнесенные здесь, составили раздел выпуска пятьдесят шестого номера «Известий Таврической ученой архивной комиссии». Статья Маркевича соединяет академическую проблематику с воспоминаниями об ученом, однако она содержит хронологическую неточность. Смерть матери А.С. Лаппо-Данилевского в ней датирована 1917 годом, а соответственно и последний приезд ученого в Симферополь (Маркевич А.И. Архивно-археологическая деятельность академика А.С. Лаппо-Данилевского // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1919. № 56. С. 165).
- ¹⁰¹ Циркуляр по управлению Одесским учебным округом. 1882. № 10. С. 294.
- ¹⁰² Южное слово. 1916. 14 янв. № 1015. С. 3.
- ¹⁰³ Там же.
- ¹⁰⁴ Южное слово. 1916. 9 янв. № 1011. С. 2; Южные ведомости. 1916. 9 янв. № 6. С. 1; Там же. 10 янв. № 7. С. 1.
- ¹⁰⁵ Южное слово. 1916. 12 янв. № 1013. С. 3.
- ¹⁰⁶ Маркевич А.И. Архивно-археологическая деятельность академика А.С. Лаппо-Данилевского // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1919. № 56. С. 165.
- ¹⁰⁷ Южные ведомости. 1916. 12 янв. № 8. С. 1.
- ¹⁰⁸ ЦГИА СПб. Ф. 355. Оп. 1. Ед. хр. 3447. Л. 3. Эту же дату приводит В.Л. Модзалевский (Модзалевский В.Л. Малороссийский родословник. Киев; СПб., 2004. Т. 5. Вып. 4. С. 57). Сама М.Ф. Чуйкевич в приведенном ниже посвящении называет днем своего рождения 30 августа (неясно, старого или нового стиля).
- ¹⁰⁹ ОР РНБ. Ф. 419. Ед. хр. 1. Л. 1.
- ¹¹⁰ ГААРК. Ф. 522. Оп. 1. Ед. хр. 2578. Л. 129.
- ¹¹¹ Воспользуюсь случаем, чтобы указать на неточность общепринятой даты рождения И.А. Лаппо-Данилевского – 16/28.10.1896; ее находим и в Большой советской энциклопедии, и на могиле ученого в Гисене. В то время как и в формулярных списках, и в паспортах его отца приводится другая дата – 16 октября 1895 г.; она же неизменно фигурирует в студенческом деле И.А. Лаппо-Данилевского (ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 7. Ед. хр. 1370), а также в деле о его недолгой службе в Отделе управления Петербургского полка (ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 30. Ед. хр. 1167. Л. 1). Возможно, подобное омоложение было предпринято уже в канун выезда из СССР: «утаенный» год давал возможность не указывать факт пребывания И.А. Лаппо-Данилевского в Пажемском корпусе. 8 января 1916 г. он обратился в правление Академии наук о выдаче копии с формулярного списка его отца в связи с тем, что был принят на ускоренные курсы Пажемского корпуса (СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 349. Л. 258). В свидетельстве о выполнении воинской повинности за № 6394, сохранившемся в его студенческом деле, зафиксировано, что с 1 февраля по 17 октября 1916 г. И.А. Лаппо-Данилевский состоял пажом Пажемского его величества корпуса (ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 7. Ед. хр. 1370. Л. 14–15; впервые на это указано в кн.: Корзун В.П. Профессорская семья. С. 38). В результате медицинского освидетельствования, проведенного 15 сентября 1916 г., он был навсегда уволен от военной службы «как совершенно к ней не способный» по состоянию здоровья. Крещен И.А. Лаппо-Данилевский был 29 октября 1895 года в Благовещенской церкви на Васильевском острове в Петербурге; восприемники – И.М. Гревс и Н.Ф. Лаппо-Данилевская (ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 1. Ед. хр. 1370. Л. 20; Корзун В.П. Профессорская семья. С. 69).

¹¹² А.А. Лаппо-Данилевский (24.09.1898, С.-Петербург – 19.01.1920, Петроград) был крещен 3 октября 1898 г. в той же церкви, что и его брат Иван; восприемниками стали М.С. Гревс и С.А. Лаппо-Данилевский (см. выпись из метрической книги в личном деле А.С. Лаппо-Данилевского – СФФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 349. Л. 284; также в студенческом деле его сына А.А. Лаппо-Данилевского: ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 1. Ед. хр. 936. Л. 5).

¹¹³ РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Ед. хр. 592. Л. 67–67 об.

¹¹⁴ Восприемниками при крещении М.С. Лаппо-Данилевской 19 марта 1864 г. в Свято-Николаевской церкви в Гуляй-Поле стали А.А. Лаппо-Данилевский и А.Г. Чуйкевич (РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Ед. хр. 592. Л. 69–69 об.).

¹¹⁵ СФФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 213. Л. 1–2. Ср.: Корзун В.П. Профессорская семья. С. 61–62. Известно лишь еще два письма М. С. Лаппо-Данилевской – к княгиням М.В. и Е.А. Барятинским (1899 и 1900 гг.), с которыми ее связывали общие предприятия благотворительности (НИОР РГБ. Ф. 19 (Барятинские). Карт. 176. Ед. хр. 21–22).

¹¹⁶ Так, она фигурирует в списке собственников недвижимости в Ялте, составленном в октябре 1896 г. (ГААРК. Ф. 522, оп. 1 Ед. хр. 905).

¹¹⁷ Беспризорные дети (письмо в редакцию) // Ялта. 1896. 26 дек. № 52. С. 2–3. Укажу попутно, что А.П. Чехов был знаком с С.В. Дараган и проявлял интерес к яслям в Заречье (Чехов А.П. Полное собрание сочинений в тридцати томах. М., 1982. Т. 30 (12): Письма 1904. Дарственные и другие надписи. С. 454–455).

¹¹⁸ Отчет правления Ялтинского благотворительного общества, состоящего под августейшим покровительством ее императорского высочества вел. княгини Ксении Александровны за 1908 год. Ялта, 1909. С. 32.

¹¹⁹ Там же. С. 27. Адрес-Календарь Таврической губернии на 1912 год. Симферополь, 1912. С. 143.

¹²⁰ Филимонов С.Б. Из прошлого русской культуры в Крыму. Поиски и находки историка-источниковеда в Крыму. Симферополь, 2010. С. 282.

¹²¹ ГААРК. Ф. 522. Оп. 1. Ед. хр. 2578. Л. 65.

¹²² Восприемниками при крещении Н.С. Лаппо-Данилевской 16 июля 1865 г. в Свято-Николаевской церкви в Гуляй-Поле стали П.А. Лаппо-Данилевский и М.Ф. Чуйкевич (РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Ед. хр. 592. Л. 70–70 об.).

¹²³ СФФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 4. Л. 11–12 об.

¹²⁴ НИОР РГБ. Ф. 135. Разд. III. Карт. 51. Ед. хр. 3–4. В начале 1917 г. она предложила журналу «Русская мысль» рассказ «Ерема» и стихи, которые не были напечатаны (РО ИРЛИ. Ф. 264. Ед. хр. 179. Л. 1–1 об.). Сравни также ее письмо, отосланное в 1917 году в редакцию журнала «Русская мысль» (РО ИРЛИ. Ф. 264. Ед. хр. 179).

¹²⁵ Дата и место рождения указаны в прошении С.С. Лаппо-Данилевского о допущении его к экзаменам на зрелость от 27 марта 1888 г. (ГААРК. Ф. 104. Ед. хр. 567). Восприемниками при крещении С.С. Лаппо-Данилевского 16 июля 1865 г. в Свято-Николаевской церкви в Гуляй-Поле стали его дед А.А. Лаппо-Данилевский и бабушка со стороны матери А.Г. Чуйкевич (РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Ед. хр. 592. Л. 70–70 об.).

¹²⁶ См. формулярный список С.С. Лаппо-Данилевского от 30 апреля 1898 г.: РГИА. Ф. 1349. Оп. 1. Ед. хр. 2371. Л. 1 об.–2.

¹²⁷ В дальнейшем в связи с женитьбой брата С.С. Лаппо-Данилевский переселился на Васильевский остров и жил по адресу: 5-я линия, д. 38, кв. 4. Это следует из отметок от 20 августа 1892 года о праве проживания в Санкт-Петербурге в студенческом деле С.С. Лаппо-Данилевского (ЦГА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Ед. хр. 26599. Л. 43).

¹²⁸ ЦГА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Ед. хр. 26599. Л. 8.

¹²⁹ СФФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 4. Л. 20 об.–21.

¹³⁰ О ней см.: Лаппо-Данилевский К.Ю. Н.А. Лаппо-Данилевская // Русские писатели: 1800–1917. Биографический словарь. М., 1994. Т. 3: К–М. С. 289–290; Юдин А.В. Н.А. Лаппо-Данилевская // Католическая энциклопедия. М., 2005. Т. 2: И–Л. С. 1503.

¹³¹ Эта дата почерпнута из некролога Н.А. Лаппо-Данилевской, в котором С.С. Лаппо-Данилевский назван гвардейским офицером, что неверно (Русский католический вестник (Брюссель). 1951. № 3. С. 24).

¹³² Обзорение театров. 1917. 20 апр. № 3401 С. 12 (указано П.Н. Гордеевым). В газетной заметке об этом событии, председательствующим был назван «акад. С.А. Лаппо-Данилевский» (sic!).

¹³³ Весь Петербург на 1912 г. Адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга. Девятнадцатый год издания. СПб.: Издание А.С. Суворина, [1912]. С. 441.

¹³⁴ Тогдашний адрес углового дома: Малая Дворянская ул., 21а / Малая Посадская, 11; современный адрес: ул. Мичуринская, д. 21/11.

¹³⁵ ЦГА СПб. Ф. 515. Оп. 2. Ед. хр. 4216. Л. 23, 33–35. Еще ранее, 5 мая 1912 года, Р.Я. Шмерко взяла кредит на 225 000 рублей у Второго Санкт-Петербургского Общества взаимного кредита; 120 000 рублей из позднейшей ссуды пошло на его частичное погашение (Там же. Л. 30). Отношение С.С. Лаппо-Данилевского к этому долгу неясно. Как явствует из документов о ссуде, Р.Я. Шмерко была неграмотна; документы подписывала ее дочь Хава Абрамовна.

¹³⁶ Возможно, дача была в совместном владении с семьей брата. О наличии некоторой собственности у семьи А.С. Лаппо-Данилевского на территориях, отошедших к Финляндии (судя по всему, на Карельском перешейке), можно заключить по тому, что И.А. Лаппо-Данилевский состоял членом правления Общества защиты имущественных интересов советских граждан в Финляндии. См. его анкету от 6 января 1927 года в делах Общества: ЦГА СПб. Ф. 219. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 14. Общество защиты имущественных интересов советских граждан в Финляндии было организовано 18 марта 1925 г. для оказания услуг по ликвидации и сохранению имущества советских граждан в Финляндии; распущено 30 октября 1928 г.

¹³⁷ Репин И.Е. Избранные письма в двух томах: 1867–1930. М., 1969. Т. 2. С. 405. С.С. Лаппо-Данилевский упомянут также в письме Репина К. И. Чуковскому от июля 1929 года (Репин И., Чуковский К. Переписка. 1906–1929. М., 2006. С. 284) Ср. упоминание об утраченных архиве и библиотеке С.С. Лаппо-Данилевского в статье И.А. Бродского «Новонайденные и малоизвестные произведения И.Е. Репина» (Новое о Репине. Статьи и письма художника, воспоминания учеников и друзей, публикации. Л., 1969. С. 354).

¹³⁸ Baschmakoff N., Leinonen M. Russian Life in Finland 1917–1939: A Local and Oral History. Helsinki, 2001. P. 309. (Studia slavica finlandesica, t. XVIII).

¹³⁹ Из письма А.С. Лаппо-Данилевского Е.Д. Бекарюковой (июнь 1890 года): СФФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 10. Л. 13 об.

¹⁴⁰ Непомнящий А.А. Новые материалы по кривоверию: По переписке А.И. Маркевича и академика С.Ф. Платонова // Сучасні проблеми дослідження, реставрації та збереження культурної спадщини. Збірник наукових праць з мистецтвознавства, архітектурознавства і культурології. Київ, 2007. Вип. IV. С. 128. Прошение Надежды С. Лаппо-Данилевской не сохранилось; упоминания о нем в письмах А.И. Маркевича С.Ф. Платонову от 13, 19 и 30 апреля 1929 года см.: ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ед. хр. 3486. Л. 30–31, 32 об., 35 об.

¹⁴¹ В настоящее время ничто не напоминает о присутствии Лаппо-Данилевских в этой, некогда столь важной для них вотчине. Так, Свято-Николаевская церковь, выстроенная Ф. М. Корбе, в ходе антирелигиозной кампании в 1934 г. была разрушена местным населением, предводимым коммунистами. Не сохранилась и семейная усыпальница Лаппо-Данилевских; правда, список покоившихся в Гуляй-Поле донесен до нас «Провинциальный некрополь», составленным в послереволюционные годы Н.П. Чулковым: «Лаппо-Данилевские Александр Александрович, Федор Александрович, Лев Александрович, София Александровна, Николай Александрович, Симеон Александрович, Петр Александрович и Екатерина. Без дат (с. Гуляй-Поле Верхнеднепровского у.)» (Русский провинциальный некрополь. Картотека Н.П. Чулкова из собрания Государственного литературного музея // Река времен. М., 1996. Кн. 4. С. 237). Даты на могилах указаны не были, что затрудняет идентификацию ряда лиц; судя по всему, последним здесь был погребен Ф.А. Лаппо-

Данилевский. Его брат С.А. Лаппо-Данилевский с женой были похоронены уже в Ялте, видимо, на Ауткинском кладбище (и могилы, и само кладбище не сохранились).

¹⁴² «Heraldica». Исторический сборник Н.П. Шапошникова. СПб., 1900. С. 208.

¹⁴³ См. выше примеч. 86.

¹⁴⁴ СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 2. Ед. хр. 37. Л. 2–3 об. (копия на л. 6–9).

¹⁴⁵ Там же. Л. 2–2 об.

¹⁴⁶ Там же. Л. 2 об.

¹⁴⁷ ГААРК. Ф. 522 (Ялтинская городская управа). Оп. 1. Ед. хр. 2270. Л. 148–148 об.; ср. л. 44. См. также указание на совместное владение А.С. и С.С. Лаппо-Данилевских в «Списке владельцев недвижимых имуществ города Ялты» за 1919 год площадью 1043 кв. саженей, общей стоимостью в 85 000 рублей (26 квартал; между ул. Садовой, Общинным переулком и Горный проспектом (ГААРК. Ф. 522. Оп. 1. Ед. хр. 2578. Л. 65).

¹⁴⁸ Весной 1905 г. крестьяне села Прибережного близ Райполя произвели «попасы и потравы» в экономии С.А. Лаппо-Данилевского (этим, кажется, дело и ограничилось), о чем сообщалось в донесении екатеринославского губернатора в Департамент полиции от 28 июня 1905 г. (Революции 1905–1907 гг.: Документы и материалы. Днепропетровск, 1975. С. 131). «Аграрные беспорядки, выразившиеся в поджогах и разгромах помещичьих усадеб и в расхищении движимого их имущества, особенно хлеба и зерна», приняты в Верхнеднепровском уезде особый размах осенью 1905 г. Общее число пострадавших помещиков в уезде, по официальным данным, составило 38, но о нанесении ущерба Лаппо-Данилевским в это время ничего не известно (см.: Там же. С. 222, 226).

¹⁴⁹ Полное географическое описание нашего отечества / Под ред. В.П. Тянь-Шанского. СПб., 1910. Т. XIV: Новороссия и Крым. С. 573.

¹⁵⁰ На середину 1900-х имеем следующую характеристику конного завода в Удачном: «Жеребц<ов> 2, мат<ок> 13. Ежегодный средн<ий> припл<од> 10 гол<ов>. Сорт упряжной орлово-рыс<истые> и рыс<истые>. Продаёт на месте по 800–1300 р<ублей> за голову» (Список частных конских заводов в России. СПб., 1904. С. 209).

¹⁵¹ Полное географическое описание нашего отечества. Т. XIV: Новороссия и Крым. С. 574.

¹⁵² См. копию метрического свидетельства о его крещении в Преображенской церкви в местечке Шишаке: РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Ед. хр. 594. Л. 13–13 об.

¹⁵³ Извлечение из описаний помещичьих имений в 100 душ и выше // Приложения к трудам редакционных комиссий, для составления положений о крестьянах выходящих из крепостной зависимости. Сведения о помещичьих имениях. СПб., 1860. Т. 6. С. 28 (отдельная пагинация, по губерниям). Надо указать, что помещики, имевшие в общей сложности более ста душ, рассредоточенных по нескольким имениям, в данный перечень не попадали, в силу чего составить полное представление о состоятельности того или иного помещика невозможно.

¹⁵⁴ О них имеется следующая информация в перечне дворянских родов Полтавской губернии: «Лаппо-Данилевские Лев, Василий и Николай Георгиевичи, сыновья прапорщика. Льва жена Прасковья Гавриловна. Дети их: Николай, Мария во второй части родословной книги литеры Д; указ об утверждении в дворянстве 22 февр. 1851, № 997» (Список дворян, внесенных в дворянскую родословную книгу Полтавской губернии. Полтава, 1898. С. 653).

¹⁵⁵ См. копию метрического свидетельства о его крещении в Преображенской церкви в местечке Шишаке: РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Ед. хр. 594. Л. 14–14 об.

¹⁵⁶ В картотеке Б.Л. Модзалевского в Пушкинском Доме указана точная дата смерти и то, что он был погребен на Петропавловском кладбище в Нижнем Новгороде.

¹⁵⁷ См. его формулярный список: РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Ед. хр. 593. Л. 2–3 об. В связи с переселением он и его близкие оказались внесены в дворянские книги Нижегородской губернии: РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Ед. хр. 642. Л. 275.

¹⁵⁸ Сведения о его потомках предоставлены мне его правнучками Клавдией и Екатериной, родившимися и выросшими во Франции.

¹⁵⁹ На середину 1900-х имеем следующую характеристику конного завода в Шафоростовке: «Мат<ок> 8. Сорт верховый (орлово-ростопч<инский>, англо-араб<ский>, полукровно-англ<ийский>» (Список частных конских заводов в России. СПб., 1904. С. 181).

¹⁶⁰ Весь Петербург на 1902 г. Адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга. Тринадцатый год издания. СПб.: Издание А.С. Суворина, [1902]. С. 353.

¹⁶¹ Весь Петроград на 1917 год. Адресная и справочная книга г. Петрограда. 24-й год издания. Пг.: Издание А.С. Суворина, [1917]. С. 383. Весь Петроград: Адресная и справочная книга г. Петрограда на 1923 год. Пг., [1923]. С. 282.

¹⁶² Данные почерпнуты из рукописного справочника: *Брендер Л.* «Никто не забыт». Справочник Ленинградского ДВС. 1869–1971 // РГАЛИ. Ф. 2956. Оп. 1. Ед. хр. 200. Л. 610. См. ее письма М. Г. Савиной 1911–1912 годов с рядом автобиографических указаний: РГАЛИ. Ф. 853. Оп. 2. Ед. хр. 747. 4 л.

¹⁶³ Словарь сценических деятелей. СПб., 1903. Вып. 12. С. 13.

¹⁶⁴ Здесь, видимо, в конце 1890-х состоялось знакомство с М. Волошиным (см. недатированное письмо М.Л. Лаппо-Данилевской к нему: РО ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. 759).

¹⁶⁵ О репертуаре М.Л. Лаппо-Данилевской см., например, ее личное дело в агентстве Е. Н. Рассохиной (РГАЛИ. Ф. 24. Оп. 1. Ед. хр. 425. Л. 15 об.–20), а также письма актрисы к В. В. Федорову (Там же. Ф. 2579. Оп. 1. Ед. хр. 144).

¹⁶⁶ Копии их метрических свидетельств см.: РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Ед. хр. 593. Л. 4–6.

¹⁶⁷ Личное дело Лаппо-Данилевской Елизаветы Васильевны (1864–1871) // ЦГИА СПб. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 8255.

¹⁶⁸ «Георгий, сын Николая» вскользь упомянут в кн.: Продолжение потомственных дворян, изд. Полтавским дворянским депутатским собранием. Полтава, 1904. Вып. 2. С. 57.

¹⁶⁹ Информация почерпнута из студенческого дела Г.Н. Лаппо-Данилевского: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Ед. хр. 39327.

¹⁷⁰ ЦГИА СПб. Ф. 520. Оп. 1. Ед. хр. 1921. Л. 1.

¹⁷¹ Согласно адресной книге на 1909 год в доме 4 по Эртелеву переулку проживал помощник присяжного поверенного «Лаппо-Данилевский Георгий Николаевич» (Весь Петербург на 1909 г. Адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга. Шестнадцатый год издания. СПб.: Издание А.С. Суворина, [1909]. С. 441).

¹⁷² Он фигурирует среди губернских гласных на трехлетие 1913–1916 гг. – от миргородского уезда «Георгий Никол. Лаппо-Данилевский» (Памятная книжка Полтавской губернии на 1915 год. Издание Полтавского губернского статистического Комитета под ред. члена Комитета исп. обязанности секретаря Н. А. Снеевского. Полтава, 1915. С. 14).

¹⁷³ Дело Московской Конторы Императорских театров Распорядительного отделения. О службе артистки оперной труппы Е.П. Лаппо-Данилевской. Началось 16 октября 1907 г. Кончено 21 января 1911 г. // РГАЛИ. Ф. 659. Оп. 3. Ед. хр. 2095. Л. 1.

¹⁷⁴ *Пружанский А.М.* Отечественные певцы. 1750–1917: Словарь. Изд. 2-е испр. и доп., электронное. М., 2008.

¹⁷⁵ РГАЛИ. Ф. 659. Оп. 3. Ед. хр. 2095. Л. 35.

¹⁷⁶ См. памятную книгу участников Сопrotivления депортированных из Франции: URL: <http://www.bddm.org/liv/details.php?id=l.126>; последнее обращение 12.12.2013.

¹⁷⁷ Извлечение из описаний помещичьих имений в 100 душ и выше. С. 26 (отдельная пагинация по губерниям).